

СТУПЕНИ

СТУПЕНИ

ДАВЫДОВ
БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ

Борис Давыдов

Ступени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724200

ISBN 9785448566608

Аннотация

Эта книга о вечном, поскольку с малых лет мы шагаем по жизненным ступеням; они и ведут нас по жизни, и по ним же мы уходим в мир иной. Читая этот роман, вы увидите и слезы, и радости, и много того, что случается в нашей непростой, многогранной жизни. А жизнь – это ступени, на которых недолго и оступиться, если идти по ним бездумно.

Содержание

Часть первая. Русский паренёк	7
Глава 1. Сирота	7
Глава 2. «Племяш»	20
Глава 3. Влюблённость	30
Глава 4. «Неизвестная»	35
Глава 5. Наставница	46
Глава 6. Женю её на себе	56
Глава 7. Да!	60
Глава 8. Гражданская жена	66
Глава 9. Армия	70
Глава 10. Симулянт	76
Глава 11. Госпиталь	86
Глава 12. Безгрешные поцелуи	97
Глава 13. Волнения гражданской жены	106
Глава 14. Гипнотизёр ли?	117
Глава 15. Симуляция удалась	128
Глава 16. Сопровождение	138
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Ступени

Борис Давыдов

Дизайнер обложки Е. Г. Яшин

© Борис Давыдов, 2018

© Е. Г. Яшин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-6660-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис Константинович Давыдов

Не всегда плохие поступки

совершают плохие люди.

Бор. Давыдов

В каждой своей книге я стою над героями, но не вмешиваюсь в их действия, а просто наблюдаю. И даже в том случае, когда вижу: кто-то ведёт себя неправильно, молчу. Бывает, правда, что позднее каюсь: надо было остановить такого-то героя от падения, и этого направить по иному пути, но... человеческая жизнь полна неожиданностей: смотришь в окно – ясно, вышел из дома – дождь. А вечно солнечная погода и розовые облака, всё это в другом мире.

Не всем удаётся прожить правильную жизнь – кто-то сходит с прямой дороги. Любопытство ли, познание ли жизни двигает человеком, когда он решает уйти с намеченного пути – неизвестно. А может, делает он это намеренно, дабы узнать: какие ощущения испытываешь от падений и разочарований, от случайных поцелуев и чужой постели. И от многого чего разного и неизведанного – того, что и манит, и околдовывает, и сводит с ума, и уводит в сторону, в болотную топь. И всё это – жизнь.

Часть первая. Русский паренёк

Глава 1. Сирота

Руфина дождалась, пока дыхание Ванечки станет ровным, выключила настольную лампу. Прежде чем выйти из комнаты, постояла возле кровати ребёнка.

– Уснул сиротинка, – со вздохом сказала. И пяťясь, вышла из комнаты.

Все девять дней с момента похорон погибших в одночасье родителей Вани Молодцова Руфина не отпускала его от себя – жалела. И свой выбор она сделала: в Молдавию, откуда приехала проводить в последний путь двоюродного брата, уже не вернётся и Ванечку в детдом ни за что не отдаст. Оформит на него опеку и заживут они вдвоём. Тем более и насчёт работы договорилась для себя – на близлежащий завод. Пока рядовым вахтёром.

Руфина обвела глазами чистенькую кухню. Пусть деревянный дом и небольшой, зато в черте города. «Наехал» город на когда-то обычную деревню, окружил со всех сторон, и осталась от большой деревни одна улица. Кого-то из деревенских радовало такое соседство: газ, вода, а кто-то, наоборот, был недоволен. Опасались, что отберут огородную землю, а это как-никак подспорье в хозяйстве. Руфина же была

всем довольна: и жить есть где, и работа рядом.

С Ваней отношения ладно сложились. Он к тётё Руфе как к матери относится, и она к нему с материнской любовью: мальчишка симпатичный, правда, хулиганистым оказался, видно, энергии много. Поэтому, как десять лет пацану исполнилось (Руфине в эту пору было тридцать один год), отдала она его в секцию бокса – верила: спорт сделает из мальчика мужчину.

Шло время. У Вани появились успехи в боксе. Тренер говорил Руфине, что её племянник обязательно вырастет до мастера спорта.

– А чтобы он стал настоящим боксёром, буду его обкатывать.

Руфина помнила, как испугалась тогда за Ванечку:

– Как обкатывать?

– Обкатывать, значит, буду чаще выставлять на поединки, на соревнования в другие города брать.

– Понятно, – успокоилась она.

После восьмого класса Ваня поступил в строительный техникум. А как шестнадцать исполнилось, стал совмещать учёбу с работой – устроился в специализированное строительное управление – учеником каменщика. Руфина приняла его решение перевестись на вечернее отделение с пониманием, видела, что племянник всячески старается поддержать материально их быт. И хотя дни его были настолько спрес-

сованы, что времени не оставалось даже на кино, уже спустя год он добился на работе заметных успехов – сдал на третий разряд. Самые опытные каменщики в бригаде имели четвёртый разряд, а пятый – лишь бригадир.

В разговорах с тётёй Ваня, кстати, никогда не высказывал желания быть начальником, считал, что вначале надо стать хорошим рабочим, профессионалом своего дела, потом и дальше заглядывать. А сегодня, кроме того, что он неплохой каменщик, имеет уже первый разряд по боксу. Его спортивными успехами гордились и в строительном управлении, и в техникуме. И, конечно же, тётя Руфа, которая много сил и терпения вложила в него.

Всем хорош Иван в свои неполные восемнадцать – и достижениями, и внешностью бог не обидел. Роста среднего, с большими серыми глазами, волос густой с медным отливом – ёжиком. Характер открытый, не лишён чувства юмора. Подсобницы на стройке в нём души не чаяли: он и вежлив, никогда грубого слова от него не услышишь, и смешные истории рассказывать мастер. В общем, не зря молва шла о нём как о хорошем каменщике и положительном молодом человеке. Многие женщины в управлении желали Ване достойную невесту. Только он пока на девушек не смотрит, хоть и заглядываются они на него. А на вопрос, мол, что ж ты, Ваня так, отвечает коротко: некогда да потом.

Восемнадцать Ивану исполнилось в июне. Дни рождения

он обычно не отмечал – с детства не приучен. Поздравила, поцеловала его тётя Руфа – и достаточно. А вскоре его в составе бригады каменщиков отправили в командировку в Куйбышевскую область. Иван обрадовался, поскольку в командировки он ездил с удовольствием: там и командировочные платят, и зарплата, главное, больше. А мир посмотреть, себя показать? Единственный минус – тренировок нет по боксу. Но утренние пробежки и различные упражнения у него и без тренерского глаза давно в привычку вошли.

Добравшись до места назначения – посёлка Алексино, бригаду сразу определили на жительство в строительный вагончик. В одной половине вагончика, где как раз было шесть двухъярусных кроватей, по числу командированных, трое немолодых каменщиков расположились внизу, а мужчины помоложе и Ваня заняли верхние места. Почти как в поезде. Городок из вагончиков Ивану пришелся по душе. В одном из вагончиков находилась и рабочая столовая, в которой, как сказали старожилы, кормили дёшево и, что немало важно, вкусно.

Пужинав, Ваня решил познакомиться с поселком. Тот ему показался довольно привлекательным: зелёные улицы, в основном двух и трёхэтажные дома, есть дом культуры, куда он и решил заглянуть. Вошёл, а там, в просторном фойе, – танцы. Нового симпатичного парня (хотя и одет он был скромно) мигом разглядели девушки. То одна его пригласит на танец, то другая, но он всем вежливо отказывал,

так как не любил танцевать, хотя девушек всё же тишком разглядывал. В конце концов разговорился с одной – темно-волосая – на вид ей можно было дать лет семнадцать-восемнадцать, всё выпрашивала: кто он, откуда. А потом попросила до дома проводить.

Девушка, как и Иван, любила поговорить, и до её дома за разговорами дошли как-то незаметно. Поднялись на второй этаж, вошли в небольшую квартирку. Вскоре девушка сбросила с кровати покрывало и раздевается до сорочки. Ваня опешил. «Что такое?» Такого поворота событий он не ожидал. Целоваться – другое дело. Девушка тем временем смотрит то на постель, то на юношу... и вдруг обиженно поворачивается к нему спиной. Она, наверное, подумала: если парень из большого города приехал да на язык горазд, значит... Но у разобранной постели догадалась, что не созрел он до серьёзных «игр». А Ваня постоял чуть и тихонько вышел из квартиры.

На следующих танцах Иван снова увидел свою знакомую, но оба сделали вид, что не заметили друг друга. Хотя Ваню так и подмывало подойти к понравившейся ему девушке, спросить: мол, что ж ты? Но не подошел. А когда настроился поговорить, было поздно: девушку на танцах он больше не встречал. Ругал себя за то, что её, видимо, не понял. Начали бы с чая, а потом... согласился бы в её квартире остаться, это же лучше, чем в тесном и душном вагончике ночевать. Весёлая девчонка! И лёгкая в разговоре, душевная. Не судь-

ба.

Однако спустя несколько дней уныние испарилось, и помогла ему в этом новая подсобница Фая, стройная двадцатипятилетняя брюнетка с густыми волосами до середины спины.

Командированная бригада каменщиков вела строительство 32-х квартирному жилому дому. Им предстояло закончить кирпичную кладку второго этажа и начать третий.

На второй день после приезда в Алексино, бригадир поставил перед Молодцовым задачу: каждое утро он должен заводить угол на строящемся доме, потом заниматься кирпичной кладкой межкомнатных перегородок и санузлов, начиная с первого этажа. Вторая часть задачи для Вани была весьма приятной – без свидетелей можно было общаться с понравившейся ему Фаей. Да и та, как оказалось, была довольна. Она с первого дня ненавязчиво стала обольщать Ванюшу, нежно щебетала с ним, улыбалась. Впрочем, чему тут удивляться: практически все подсобницы стараются понравиться каменщику, чтобы он не гонял без нужды туда и сюда. Но в данном случае было заметно, что не только это руководило Фаей: юноша явно приглянулся молодой брюнетке. Да к тому же услышала, что Ваня боксёр – чемпион России среди юношей, и образование получает.

Сдружились молодые люди после поездки в один совхоз, где строителей попросили срочно сделать небольшую работу. Бригада отправилась на задание на грузовой машине,

в кузове под тентом. На деревянных скамейках всем места не хватило, и Фая села на колени Молодцову, пошутив при этом: «Ваня, только не возбудишься, а то я тоже возбудимая». Все засмеялись, а один из каменщиков сказал: «Ты бы ко мне, Фаина села, я бы уж точно возбуждился, потому что много лет с молодыми девками ни-ни. Может, пересядешь?» Фая и ему шуткой ответила: «Дядя Толь, я бы села к тебе да знаю: ни я не возбужусь на твоих мосластых коленях, ни ты. Тебя, наверное, только жена может согреть... рюмашкой». Так минут тридцать, пока ехали по ухабистой дороге, строители веселились. Фая всё это время ёрзала у Вани на коленях, иногда как-то по-детски, будто ребёнок, подпрыгивая, и, действительно, привела его в возбуждённое состояние. Он, то раздвигал свои ноги, то сдвигал их, чувствуя, как горячие женские ягодицы того и гляди подожгут его...

Пошла вторая неделя, как Ваня находился в командировке. Жить в вагончике для него оказалось мучкой, поскольку каждую ночь кто-нибудь из молодых сотоварищей приводил женщину. Сначала выпивали, потом занимались любовью на «втором этаже». «Старикам» было до фонаря – храпели под охи и ахи. А Иван ворочался на своей полке, краснел и ругался про себя. Он обратился к Фае, чтобы она подыскала ему частную квартиру у какой-нибудь старушки. Она обещала подумать. А на следующий день, в обеденный перерыв, сказала: «У меня есть разведённая подруга, знойная такая женщина. Хочешь, я тебя с ней познакомлю?» Иван

стушевался. «Фай, я просил бабулю, а ты мне...»

– Ты что, за свою мужскую честь боишься? – Фая посмотрела на него с хитринкой.

– Ничего я не боюсь. А если и боюсь, так это того, чтобы на меня пальцем не показывали: мол, молодой, а с какой-то бабой связался. А про боязнь... – Юноша опустил глаза, но тут же в каком-то отчаянии поднял их. – Фай, я же говорил тебе, что у меня ничего не было с женщинами. Ну, этого... А ты меня поддеваешь.

Фая села ему на колени, лицо в лицо.

– Ну, давай я тебя научу хоть целоваться для начала. – И, не откладывая, припала к его губам. Поцелуй вышел долгим. Наконец оторвавшись от женских губ, Иван выдохнул из себя:

– Ох, и наглая ты, оказывается, Фая.

– Я не наглая, а охóчая.

– До чего охочая?

– До тебя, Ванюша, до тебя. А ты как дремучий старик: не только не видишь, но и не чуешь. Не чуешь, как я тебя хочу. Я хорошо целуюсь?

– Хорошо. Но и я целоваться умею. Уж чего-чего, а это...

– Ванюш, вопрос на засыпку: ты терпеливый?

– В чём именно?

– Ну, например, я буду что-то делать, сидя на коленях у тебя, а ты будешь терпеть. Это что-то вроде игры.

– А что ты хочешь делать?

– Да что угодно, лишь бы тебе приятно было. Ну и мне, конечно. А так как у тебя не было женщины, то... в общем, сам почувствуешь, что я буду делать.

– Что я должен почувствовать?

– Закрой глаза.

Иван не полностью закрыл глаза, хотелось подсмотреть, что же такое будет делать Фая. Но она заметила его уловку.

– Эй, не глядеть! – И приспустила с него штаны, приказав не мешать ей. Ваня покраснел, машинально обнял Фаю, которая уже сидела на его коленях, как-то чудно двигаясь.

Сколько прошло минут, неизвестно, но юноша в какой-то момент почувствовал, что у него даже по мозгам прошла горячая, сладкая волна; хотелось кричать как сумасшедшему, прыгать, но он каким-то чудом сдержал переполнявшие его эмоции.

– Ванюша, ты умница! – глядя на него сияющими глазами, восторженно произнесла Фаина. – Теперь тебя можно и моей подруге отдать. Согласен?

– Не зна-а-й, – неуверенно протянул Иван, ещё не осознавая, что с ним произошло. Ему казалось, что всё это случилось не с ним.

Видя его юношеское смущение, явное непонимание произошедшего, Фая уверенным тоном произнесла:

– Вань, я думаю, нам надо закрепить это дело. И сделать это необходимо дома у меня.

– А муж? – Он несмело посмотрел на неё.

– Вань, я же тебе говорила, что своего пропойцу почти каждый вечер самолично приволакиваю домой. А если он сам приползает, то до квартиры всё равно не доходит, храпит у входной двери.

– Как же ты живёшь с ним? – Юноша покачал головой. – Таких мужиков надо на Колыму отсылать, для перевоспитания.

Засмеявшись, Фаина махнула рукой:

– Да ну их, этих пьянчуг. Поговорим лучше о хорошем. – Она обняла юношу, нежно поцеловала его. – Ванюш, пойдём после работы ко мне, а? Ну... хотя бы на часок.

Посмотрев в её умоляющие глаза, увидев на её лице нерешительную улыбку, он твёрдо сказал:

– Уговорила!

...Этим вечером Ваня впервые целовал женские груди, впервые гладил женское тело, да какое! От счастья у него захватывало дух. А Фая специально заводила его, видя, что он очарован и ею, и всеми её женскими прелестями. К тому же она оказалась без комплексов и многим приятно удивила паренька.

Во время отдыха Фая вдруг сделала неожиданное признание:

– Ванечка, я давно мечтала найти молодого мужчину, похожего на тебя. И знаешь, сейчас мне жалко знакомить тебя со своей подругой. И познакомить надо, а то могу увлечься тобой и... А что потом? Одни разговоры. А про Полю ниче-

го не будут говорить, она незамужняя. К тому же все будут думать, что ты обычный её квартирант. Ванюш, так познать тебя с ней?

– Я бы лучше с тобой...

– И мне бы лучше, да муж. И квартира не мужа, а его отца. А мне жить негде. Вот получу от вашего управления жилплощадь, тогда... разведусь.

– Фай, а ты частенько изменяешь мужу? – как-то так, за просто спросил Иван.

– Если бы я изменяла, то не тряслась бы у тебя на коленках как сумасшедшая, когда ехали в совхоз. А прихватило меня буквально через пять минут. Да где? На твоих коленях... Но скажу честно: я бы, наверное, изменяла, было бы с кем. Иногда смотришь на какого-нибудь приезжего, думаешь: с ним бы можно. Но... тебя уже пасёт свора поселковых глаз. Здесь ведь как: в одном углу чихнул, в другом уже говорят, кто чихнул. Но несмотря ни на что, я хочу от тебя родить ребёночка. Ты меня спрашивал недавно: почему я со среднетехническим образованием, а подсобницей работаю. А потому, что год тому назад, когда строительный участок от вашего управления здесь организовывали, всем, кто устраивался сюда, говорили: года через три всех очередников обеспечат жильём. А ребёнка рожу, наверняка получу квартиру. Вот я и уволилась из райпо, где работала экономистом – квартиру там не получишь сто лет.

– Так ты экономист? – удивился Иван. – Вот это да-а. С та-

кой специальностью можно в любом городе устроиться. Ходовая специальность.

– погоди, Вань. Я к чему тебе о ребёночке говорю? К тому, что должна забеременеть и забеременеть от красивого, а главное – здорового мужчины. А ты ещё и на моего мужа похож. Только от моего мужа, какие могут быть дети, если у него вместо спермы – красное вино. А ты, я уверена в этом, здоровенький.

– Я здоров, как молодой бычок.

– Значит, Ванечка, я рожу от тебя. Но об этом ни-ко-му. Ты умеешь хранить тайны?

– Фая, клянусь, я хоть и молодой, но умею хранить тайны. Тем более такую тайну я буду хранить всю свою жизнь.

– Верю тебе. Я сразу заметила, что ты порядочный. Да, но если у тебя будет с моей подругой что-то такое... ты ей не открывай наш секрет. Не скажешь?

– Фа-а-я, – укоризненно посмотрел на неё Иван.

– Верю, Ванечка, верю. – Фаина встала с кровати. – Ваню-ша, посмотри. – Она стала вертеться перед ним.

Он залюбовался ею, поскольку вот так, целиком, её ещё не видел.

– Я красивая?

– Очень! А губки вообще...

– Вот и хорошо. Значит, и ребёночек будет красивым. Ты любишь детей?

– Люблю, но мне ещё рано...

– Ванечка, тебе, может, и рано, а у меня душа будет рада.
И у тебя сейчас душа запоёт...

Глава 2. «Племяш»

На следующий день, после работы, Фаина поднялась этажом выше, к Полине. Полина – брюнетка выше среднего роста, с вьющимися волосами чуть ниже плеч, с эффектной фигурой и красивыми чёрными глазами.

– Поль, – войдя в такую же двухкомнатную «хрущёвку», в какой жила сама, начала разговор Фаина, – ох к нам и юноша приехал в командировку, прелесть! Молодой, разговорчивый.

– Ну и что? – надула полные губки Полина. – Мало ли красивых юношей по городам и весям ездит, а мне не юноша нужен – матёрый мужик. Желательно, непьющий.

– Поль, я не то имела в виду, когда сказала о юноше. Этот мальчик ещё нецелованный, не говоря о чём-то другом

– Ну, если он нецелованный, значит, с ним в карты только играть или в шашки.

– Именно это я и имела в виду! – воскликнула Фаина. – Ты же любитель в картишки и шашки поиграть, вот... В общем, ему страх как не нравится спать в вагончике, поскольку там, говорит, ночью шалман: бабы приходят, ну и... а он не может уснуть.

Сделав паузу и доверчиво посмотрев на соседку, Фаина продолжила:

– Поль, пусть парень у тебя поживёт, глядишь, и тебе

не скучно с ним будет. Он, кстати, готов платить за ночлег. А питаться он будет в своей столовой, в вагончике.

– Он надолго приехал сюда?

– Как все каменщики – на полтора месяца. У них ведь как: одни уезжают, другие приезжают.

– Хорошо, пусть приходит.

– Спасибо, Полюшка. – Фаина улыбнулась. – Теперь и мне веселее будет. Как только мой пьяным придёт, я к вам буду бегать.

– Как будто до этого ты не бегала ко мне.

– Согласна. Но когда знаешь, что на тебя будет смотреть красивый парень, совсем другие ощущения появляются, более светлые.

– Смотри, голову не потеряй от своего нахваленного мальчишка. У нас ведь в посёлке в каждом углу глаза торчат.

Засмеявшись, Фаина сказала:

– У меня ещё не было случая, чтобы в меня пальцем тыкали. И вообще, я серьёзная девочка. Всё, я ушла, завтра приду к тебе с Ванюшей.

– А твой мальчик-то умеет в шашки играть?

– Если не умеет, научишь. – Фаина вышла из квартиры.

Полина работала директором раймага – это было большое, по местным меркам, двухэтажное здание, построенное несколько лет тому назад. Полина обычно возвращалась с работы в начале седьмого вечера. В этот день, увидев на ска-

мейке возле дома Фаину с Иваном, она весело улыбнулась:

– О, племян приехал. Так сколько годиков тебе исполнилось?

Юноша сразу догадался, что Полина задумала, улыбнулся в ответ:

– Недавно восемнадцать стукнуло.

– Вот те на! – всплеснула руками Полина и, подойдя к Ивану, обняла его, поцеловала. Сделав шаг назад, снова воскликнула: – Восемь лет не виделась, надо же! А какой красавец стал, чудо! – Незаметно посмотрев на балконы дома, откуда глазели любопытные, приказным тоном сказала: – А теперь айда в дом, будем ужин готовить. – Она вошла в подъезд, за ней Иван с Фаиной.

«Находчивая, ничего не скажешь», – с удовлетворением подумал Иван. Фигура Полины, поднимающейся по лестнице впереди, так и притянула взгляд, особенно её широкие бёдра и, соответственно, пышный зад. И вся она, одетая в модный сарафан цвета хаки, в белых туфельках на высоком каблуке показалась ему возвышенной, одухотворённой. Такой тип женщин ему нравился. Восемнадцатилетний парень, можно сказать, с первого взгляда влюбился в жизнерадостную, полную сил и энергии женщину. Впрочем, он был влюбчивым пареньком, и все красивые женщины, в первую очередь с чёрными волосами, вызывали в нём любовные чувства. Почему именно брюнетки вызывали у него повышенный интерес, не старые, конечно, об этом не задумывался.

А старыми считал всех женщин с сединой в волосах, с морщинами на шее, на лице. Полине же, как сказала Фая, недавно исполнилось тридцать восемь, но он не дал бы ей больше тридцати.

В квартире Полина предложила Ивану и Фае не стесняться, располагаться, где нравится. А сама, расстёгивая на ходу кнопки на сарафане, направилась в ванную.

Фаина села на диван, и тут же усадила рядом с собой Ивана.

– Ванюш, как тебе Поля, понравилась?

– Понравилась, – честно признался он.

Глядя на его профиль, Фаина сказала:

– Она не может не понравиться. Жила бы она в большом городе, за ней бы толпы мужиков бегали, как за эстрадной певицей.

– Фай, скажу тебе откровенно, ты нисколько ей не проигрываешь, а в чём-то даже выигрываешь.

– В чём я выигрываю?

– Ты выглядишь как красивая девушка-студентка, а она – как красивая учительница в школе. Чуешь разницу?

– Чую, Ванюша, чую. Я много чего чую, да поздно уже – прошлые ошибки за спиной. И главная ошибка – замужество.

Разговаривая с Фаей, юноша одновременно разглядывал комнату, где кроме дивана, стояли два кресла, сервант. Над диваном и над креслами висели ковры, на деревянном полу –

палас... Созерцание комнаты прервала Полина.

– Фая, а ты чего сидишь? На стол бы чего-нибудь поставила, пока я летнюю пыль с себя смывала. – Полина появилась в парчовом халате с ярким орнаментом, напоминающем восточный.

– Нет уж, Поля, в своей квартире сама командуй.

– Тогда пошли на кухню, поможешь мне.

– Это другое дело. – Фаина поднялась с дивана, погладила Ваню по голове и, улыбнувшись, вышла.

Иван пошёл следом за женщинами.

– Вам помочь?

– Ты пока стол в зале разложи.

Стол накрыли быстро. Иван по просьбе Полины пополнял бокалы вином. Он обычно не пил спиртное, но сегодня решил не отказываться, хотя подчеркнул, что выпивает крайне редко, а если и делает это, то в исключительных случаях, по пять капель. Поля похвалила его:

– Молодец! – И, лукаво посмотрев на соседку, добавила: – Вот от каких парней надо детей рожать, а не от наших пьяниц. А, Фай?

Та на мгновение смутилась.

– Да бы. А где нам таких взять? Значит, будем рожать от пьяниц. Когда протрезвеют.

– Фая, ты серьёзно? Ты же никак не хотела. А сейчас что, решилась?

– Решилась, – вздохнув, ответила молодая женщина. –

Не хотела, не хотела, да передумала. Попробую родить, может, после этого муж за ум возьмётся. Да и ребёнка хочется.

– Дела-а, – протянула Полина.

Иван мысленно заулыбался, зная, от кого хочет родить Фаина, но задал вопрос на полном серьёзе:

– Фай, а ты чего замуж за пьяницу вышла, неужели не было нормальных парней? Ты ж красивая.

– В самом начале он мало пил, такой обаятельный был, рыжик... – Увидев, как юноша эдаким бычком посмотрел на неё, Фая улыбнулась: – Да, Ванюша, ты немножко похож с моим мужем, правда, ты красивее и волосы у тебя не рыжие, а какие-то... В общем, мой Валерик в то время был хоть куда и работал он тогда электросварщиком. Потом решил озолотить меня, стал калымить... Надо признать, хорошие у него были мысли, но... его благие намерения к пьянству привели. За пьянство и уволили. Потом устроился грузчиком на базу райпо, где всегда на винцо подшибить можно. С тех пор пошло, поехало. – Фаина замолчала.

– Фай, а почему ты не родила ребенка, когда муж мало пил?

Она с грустью посмотрела на юношу.

– Хотели окрепнуть, на ноги встать. А через год после женитьбы уже поздно было – стакан помешал. Не знаю, с какой стати мужики начинают пьянствовать. Об этом даже учёные ничего не могут сказать. – Фая отсутствующим взглядом стала смотреть перед собой. Но Иван прервал её задумчивость.

– Хватит грустить! – И тут же с юношеской непосредственностью сделал хозяйке комплимент: – Поля, ты в своём оригинальном халате похожа на восточную ханшу.

Она встрепенулась:

– А я и есть, можно сказать, самая настоящая ханша. Во мне ведь кровь татарских ханов течёт. И южных князей, и кровушка уральских казаков попала. Так что во мне такая гремучая смесь, ого-го! Может, из-за этой самой смеси, я своего русского мужа года не вытерпела. И рада, что с тех пор одна. Чего хочу, то и делаю. Захотелось в Крым? Поехала. Хочется туда? Еду. Вот так и катаюсь во время отпуска. На озере Балатон была в Венгрии, отличное, скажу, местечко. В Болгарии, в Югославии, Чехословакии. Планирую даже на Кубу махнуть.

– А я к родителям не могу съездить, – тихо произнесла Фая, – лишних денег нет.

– Вот именно. А я бы куда съездила, если бы с мужем-пьяницей жила? В Куйбышев и обратно. Но это, скажу так, приписка, а сказка такая: почему я такая волосатая? – Полина оглядела гостей, усмехнулась: – Не даёт мне покоя этот вопрос, хоть тресни. А вопрос такой, даже не вопрос, а мысли вслух: татарские женщины, как известно, обычно не волосатые, уральские казачки тоже не смахивают на обезьян, а вот я... – Она помолчала, почему-то нахмурила густые, чёрные брови. – Откуда на мне, к примеру, волосы на ногах, руках... От кого всё это перешло, с каких земель? – Она остановила

свой взгляд на юноше: – Ванюш, а ты, я смотрю, тоже обратил внимание на мою волосатость, а? Ну-ка, признавайся.

– Ну, обратил. А что тут такого? Скажу по секрету: я с девяти лет со своей тётёй в баню ходил. У неё тоже фигура хорошая, не толстая и не худая, и она довольно-таки волосатая. В бане, исподтишка, я поглядывал на неё. В волосатеньких девушках или женщинах лично я вижу особый шик. На стройке мужики иногда разговаривают об этом – многим нравятся волосатые женщины.

Полина довольно улыбнулась; ответ ей понравился.

– Кстати, и Фая у нас пушистая девочка. – Полина стрельнула глазами на подругу. – Ты, Ванюша, и её рассмотрел?

– Конечно. Тем более тут и рассматривать нечего, это и невооружённым глазом видать. К тому же я человек наблюдательный, да и зрение отличное.

– Смотрю я Ваня на тебя и думаю, что в тебе, как и в каждом из нас, тоже намешана кровь разных народов. И то, что ты видишь в волосатых женщинах что-то своё, родное, это идёт не от русских. Не так ли?

– Возможно, – уклончиво ответил он.

– Ванюш, а Фаинка у нас тоже не кто-нибудь, она самая что ни на есть Терская казачка.

– Как? – Он удивлённо вскинул брови. – Фая, это правда?

– Правда-то правда, но что с того? Ни кола, ни двора не имею. А это плохо для казачки. – Она встала из-за стола.

– Поль, извини, я пойду всё-таки, ужин надо какой-нибудь

приготовить.

– Для кого готовить-то? Твой пьянчуга всё равно где-нибудь свою любимую «фуньку» с дружками пьёт. А ты здесь поужинала.

– Нет, Поля, пойду.

Фая покинула квартиру, а Полина стала убирать со стола. Ваня взялся помогать ей. Потом они, сидя на диване, играли в дурака. Чаще выигрывала Полина. Юноша сделал ей комплимент по поводу того, что она хорошо играет в карты, но на этом не остановился.

– Поль, – поглядывая на её ноги, негромко произнёс он, – тебе не нравится, а мне очень нравится твой пушочек: и на руках, а особенно на ногах. Он на меня действует как-то необычно, волнительно.

– Не только тебя мой пушок волнует, а многих мужиков. Одна моя знакомая недостатком это у себя считала, дёргала их пинцетом, потом стала брить. И добрилась... После этого волосы у неё стали жёсткие, противные. А у меня они мягкие как лебяжий пух, от этого и норовят к ним бравые мужчины прикоснуться.

Иван вдруг погладил Полинину ногу, у самой коленки.

Женщина шутливо прикрикнула на него:

– Ванька, не задорь, а то не посмотрю, что юнец, брошу тебя в постель. Я сильно горячая, поэтому не шути так, взорвусь.

– Поль, какой я юнец, – нахмутив брови, проговорил юно-

ша. – Я нормальный парень, почти что мужик.

– Вполне возможно. – Полина лукаво посмотрела на него. – Но ты, я смотрю, и хитрец к тому же. И своими словами можешь ненароком распалить меня, совратить на неблагоприятное дело. Был бы ты хоть годика на три постарше, можно бы подумать, а так – нет.

– Поль, да я не про то.... Ну, мне с тобой и так приятно – посидеть, поговорить.

– Молодец, Ванёк! Так держать! – Она встала с дивана. – Ну что, спать будем? Время уже одиннадцатый...

– Как хочешь.

– Тогда вставай, я на диване тебе постелю.

Разложив диван, Полина стала стелить простыню, а юноша задумчиво сказал:

– И всё же ты сильно с моей тётёй похожа. Она и черно-волосая, как ты, и фигура.

Застелив для Ивана постель, Поля подошла к нему, посмотрела в его глаза и, вздохнув, сказала:

– Да, Ванечка, если в детстве тебе кто-то понравился или наоборот, не понравился – это надолго в памяти остаётся.

Глава 3. Влюблённость

Прошло три дня как Молодцов жил у Полины.

В субботу, придя из поселковой бани, румяные женщины сидели на кухне и, потягивая сухое красное вино, вели разговор. Ивана не было, он ежедневно ходил заниматься на местный стадион.

– Строители, – говорила Фаина, – народ грубоватый, а уж матом ругаются... А Ваня вежливый, тактичный. Обычно каменщики не помогают подсобникам, а он помогает. И матом не ругается, и голос на нас не повышает. Ему бы не каменщиком работать, а сразу мастером. Хотя скоро техникум закончит и будет мастером, а то и прорабом: он потянет. Спортом вот занимается, уже чемпион России по боксу. А спортсмены народ целеустремлённый и, что важно, непьющий.

Полина сидела, откинувшись на стуле, со стаканом в руке и, улыбаясь, смотрела на подругу. А та продолжала:

– С другой стороны, и рядовые строители нужны культурные: те же каменщики, штукатуры... Я вот думаю, что надо бы во всех учебных заведениях предмет такой ввести – «Основы вежливости», особенно в ПТУ. Правда, Ваня, можно сказать, с улицы пришёл, а такое ощущение, что он курсы благородных юношей окончил. Замечательный парень!

Полина спросила игривым голосом:

– Уж не влюбилась ли ты в благородного парня? А то, видите ли, рядовые строители ей не нравятся. А Ваня и вежливый, и чемпион России по боксу. Признавайся, влюбилась?

– Была бы моложе да не замужем, женила бы его на себе, – также игриво ответила Фаина. И, помолчав, закончила серьёзно: – Думаю, он будет для кого-то хорошим мужем. Завидую я той женщине.

– Да, Фаинка, сначала мне с мужем не повезло, а потом и ты не лучше нашла. Но в нашем захолустье хорошего мужика сыскать, как блоху поймать в бане. Куснёт тебя блошка, может, и поймаешь её, не куснёт... И некоторые мужики сначала пайньками кажутся, а женился – сладу никакого нет. Нет, Фая, наверное, русские мужики от татаро-монгольского ига такими раздолбаями стали. Взять, к примеру, татар...

– Что же ты за татарина не вышла замуж? Вышла бы, глядишь, сейчас орава татарчат по квартире бегала.

– Сватались ко мне татары, отказала. Глазами, что ли, не подошли. А русский, большеглазенький, на меня глянул и всё, даже пятки зачесались от нетерпения: «Хотим, кричат, большеглазого!» – Полина засмеялась: – Сам дьявол, видно, над нами экспериментирует. Ладно, давай-ка выпьем ещё.

– Нет, больше не буду. – Фаина отодвинула в сторону свой стакан.

Ваня давно уже спал, а Полина никак не могла уснуть. Она возилась на кровати с боку на бок, вздыхала. Не выдержала,

вышла из спальни через гостиную на балкон, глотнуть свежего воздуха. Возвращаясь назад, подошла к юноше, стала разглядывать его. Вдруг мелькнула шальная мысль: «Может, лечь к нему? Сколько времени без мужика мучаюсь. И в Куйбышев ещё долго не попаду. А тут серьёзный парень... Нет, молод он для меня, стыдно. А подумай-ка? Как он смотрел на тебя? Ведь смотрел не по-юношески, по-мужски. Чего ты стыдишься? И парень опыта поднаберётся, спасибо скажет тебе. Опять же кровушка молодая застоялась в нём, а это во вред ему. Решайся, Польша; не губи паренька, влей в него свежую кровь, чтобы жизнь почувствовал. Иди, ложись... Нет, хоть и кровь кипит, дыханье спёрло... Нет! Пойду, лучше водички холодной выпью». Полина выдохнула из себя и, окинув пылающим взглядом юношу, пошла на кухню.

Часа в четыре утра Иван проснулся. Ему было беспокойно – внутренне волнение не давало покоя. Поднялся с дивана; ноги сами повели его в соседнюю комнату и не первый раз, пока живёт в этой квартире. Женщина лежала на кровати, раскинув руки; сорочка была вздёрнута и не прикрывала низ живота... губки приоткрыты и, кажется, шевелились. Юношу как будто горячим воздухом обдало. Он учащённо задышал, заскользил взглядом по женскому телу. Вроде даже запах его почувствовал – душистый, притягивающий. Ему захотелось сразу же, ни секунды не медля прикоснуться к этой ухоженной женщине, поцеловать её. Вдруг услышал едва различимый шёпот:

– Ваня, иди ко мне. – От неожиданности он вздрогнул. Подумал испуганно: «Кто это?» Но, разглядев полуоткрытые женские глаза, нерешительно шагнул к кровати. – Не бойся, иди, – снова слышался дразнящий шёпот.

Иван присел на край кровати, не зная, что дальше делать. Полина приподнялась, легонько опрокинула его на постель, прилегла на него...

Ваня будто в сладкий сон погрузился. Позднее он не мог бы подробно описать, что происходило между ним и Полиной. Но то, что происходило исключительное по накалу действие – несомненно. И продолжалось это «действие» до семи утра. В какие-то минуты ему казалось: он утонул в этой женщине, провалился... Потом появлялось ощущение, что он сливается с ней, с её упругим, бьющимся в страсти телом; вот уже тычется губами во что-то пушистое... во что-то живое, отдающее дурманящим ароматом; а вот её губы, они словно втягивают его в себя, уносят ввысь... Страшно... Сладостно... Душа парит, летит, падает... И снова нечто такое... Кажется, остановилось сердце. Нет, опять работает, но часто, неровно. Возможно ли ещё что-то подобное? Есть ли в мире ещё такая женщина? И если есть, где она?! В себе он чувствовал необычайную лёгкость, пела его душа. Полина оказалась феей из волшебной сказки: сладкой, вкусной, ароматной. Она и придавала ему силы, и забирала их, снова вдохновляла. Это было чудо, несравнимое ни с чем. С Фаей он тоже чувствовал себя будто на небесах: тёп-

лых, обволакивающих, а здесь – вземной рай.

Ване хотелось носить Полину на руках, выполнять любое её пожелание, броситься за ней в огонь, в бушующий океан. Он готов был сделать всё, чего она потребует. Она ничего не требовала, а всего лишь сказала в минуту отдыха: «Ваня, прости». Он спросил тихо: «За что? Я впервые почувствовал, что такое счастье. И мне кажется, я полюбил тебя». Она вздохнула: «О чём ты говоришь, мой сладкий. Ты ещё не знаешь, что такое любовь. А это не любовь – влюблённость. Влюблённость в загадочное женское тело. И подобное состояние, к счастью или, к сожалению, не мне об этом судить, но, думаю, будет не раз у тебя возникать». Иван задумался.

После той ночи Иван возгордился собой – он стал настоящим мужчиной. А в жизни оставался всё тем же Ваней: где-то себе на уме, где-то честным, неллицемерным, с доброй улыбкой на лице. Он видел – Фая не догадывается, что он спит с её подружкой. Она, как обычно, в «перекуры» садилась на его колени, и они начинали целоваться. Фая минуту не выдерживала, снимала с себя хэбэшные штаны... Подшучивая над собой (не то, что несколько дней назад), Ваня тоже частично оголялся... Он готов был заниматься любовью без конца: днём с Фаей, ночью – с Полей. И уже не задумывался, что это – двойная влюблённость или двойная любовь.

Глава 4. «Неизвестная»

Ваня в душе благодарил Фаину, что она, щадя его самолюбие, сняла с него пелену целомудренной стыдливости, открыла в нём мужчину, который, возможно, долго бы ещё прятался в его сознании. Она сделала его не развязным, а просто более уверенным в общении с женщинами, в разговорах на закрытые ранее для него интимные темы. Не говоря о «живом» интима... Если бы этого ничего не было, он бы и к Полине ранним утром не подошёл, а если и подошёл бы, то, услышав её тихий голос, тотчас бы рванул на свой диван и завернулся в одеяло. И никакая сила, просьбы, угрозы – ничто бы не помогло. А тут, услышав её томный шепоток, он пусть робко, но подошёл к ней. Как он решился, сказать сложно. Он думал: такой женщине нужен богатырь. Нет, никакого богатыря, оказывается, ей не надо. Ей просто нужен был крепкий партнёр, с которым её богатое воображение в момент любовных игр уводило так далеко, что для этого требовалось много времени. Именно это нравилось Ивану – он приобретал ни с чем несравнимый опыт.

Этот появившийся опыт он и выплёскивал на рабочем месте на Фаю. И не только опыт, но, как ему казалось, и любовь, ведь это она выбрала его отцом своего будущего ребенка, ведь это у неё такая нескладная семейная жизнь. А Фая считала дни до Ваниного отъезда и не скрывала своих стра-

даний.

– Ванечка, ты прости меня, но я всерьёз тебя полюбила. И если была бы незамужем...

– Фая, Фаинушка... мне рано думать о женитьбе, мне надо техникум закончить, потом в армию...

– Ваня, я не прошу, чтобы ты на мне женился, я просто счастлива, что встретила тебя. Ванюша, будет возможность, приезжай ко мне года через три-четыре. Ну... хотя бы на несколько дней. Ты можешь, конечно, и не приезжать, но я буду скучать по тебе; помнить буду.

Покидал Ваня Алексино в середине августа, с ощущением какой-то вины и перед Полиной, которая тоже просила не забывать её и по возможности навещать, и, конечно же, перед Фаей. С Полей в день отъезда он простился в её квартире утром, а с Фаей на работе уединился в укромном уголке. Она сразу уткнулась ему в грудь и заплакала. Юноша прижал её к себе, целуя волосы, шею. Длинный гудок автобуса заставил пару оторваться друг от друга.

За два дня до отъезда Ваня услышал от Полины, что в его городе проживает её младшая сестра Марта, у которой около года назад трагически погиб муж. Она доктор архитектурных наук, заведует кафедрой в строительном институте. «Ты, Ванечка, – сказала Полина, – как приедешь домой, не поленись, зайди к ней, письмо от меня передай. А там, глядишь, Марта поможет тебе после техникума поступить в строительный институт. Я бы, конечно, могла позво-

нить ей, но так лучше будет». Ещё Полина показала Ивану фотографию сестры. Увидев её, юноша обомлел: неопишущая красота. Похожее лицо он видел на картине Крамского «Неизвестная». «Ваня, Марта до сих пор сильно переживает, помоги ей отойти от горя, у тебя получится. Я бы даже тебе посоветовала пожить у неё, а то живёшь как-то не по-людски – без удобств. А у сестры большая, профессорская квартира, детей нет. Послушай моего совета, я плохого не посоветую. Сделай, пожалуйста, как я прошу». Он обещал выполнить просьбу.

Возвратившись из командировки, Ваня в этот же вечер позвонил Марте. Представившись, он объяснил, что был в Алексино, где случайно познакомился с её сестрой... На завтра Марта пригласила юношу в гости.

В назначенный час Иван позвонил в нужную ему квартиру. У юноши от волнения трепыхалось сердце: сейчас он увидит сестру Полины, но такая ли она, как на фотографии? Похожа ли на ту, что видел на картине? Хозяйка его ждала – дверь открылась сразу же.

На пороге стояла она, «Неизвестная»: выразительные чёрные глаза в обрамлении пушистых ресниц, чёрные соболиные брови, пышные, слегка волнистые волосы до плеч, нежное лицо и в дополнении – полненькие губки. А фигура!

Марта была в ситцевом платье, перетянутом пояском в талии. Иван отметил про себя, что при достаточно широких

бёдрах, у Марты, можно сказать, девичья талия. Как нравились ему такие женщины!

Хозяйка пригласила смутившегося юношу в гостиную. Он, взяв себя в руки, прошёл, сел в кресло, Марта – напротив. Спросив, как дела у Полины, как они познакомились, Марта напомнила Ване о письме. Он вытащил из кармана рубашки слегка помятый конверт и передал Марте. Читая послание, женщина кидала любопытные взгляды на парня. Положив два листка на журнальный столик, она сказала:

– Давай, Ванюша, так договоримся: во-первых, мы будем с тобой обращаться друг к другу на «ты», во-вторых, называй меня просто Марта. Договорились?

– Да.

– Вот и прекрасно. По этому случаю приглашаю тебя пригубить по рюмочке хорошего ликёра. Ты хоть, как писала сестра, не пьёшь – серьёзно боксом занимаешься, но всё же составь мне компанию. – Она поднялась с кресла.

Наконец-то улыбнувшись, Иван сказал:

– С вами, Мар... Извини, Марта, с тобой выпью чуть-чуть. Правда, ликёр я ещё не пробовал.

– Значит, я первая, с кем ты попробуешь этот вкусный напиток. А кроме всего ты и не куришь, поскольку боксом занимаешься?

– Даже не пробовал, что такое сигареты.

– А я, к великому сожалению, курю. Пристрастилась к этому ещё студенткой, у нас на архитектурном многие де-

вочки сигаретами баловались. Теперь, мой мальчик, я буду курить не в кухне, а на лоджии.

После лёгкого ужина Марта дала гостю ключи от своей квартиры и, сказав, что он может жить у неё, когда захочет, на прощание поцеловала его в щёчку. И тут же виновато улыбнулась:

– Извини, что-то нахлынуло вдруг. Но я давно вот так не сидела с мужчиной, а ты как будто волшебным лучом прошёлся по мне. Есть в тебе что-то такое непосредственное, чистое. Приходи в любое время, я буду ждать. – Юноша восхищёнными глазами смотрел на эту обольстительную женщину, когда-то «Неизвестную», а сейчас – его знакомую.

Всю дорогу до дома он продолжал в мыслях восхищаться Мартой, её красотой, гордой осанкой. А лёжа в постели даже представил её обнажённой. И, представив, запылал огнём. «Она красивее всех женщин, которых я видел в своей жизни. И если она скажет: «Ваня, иди ко мне», я тут же упаду к её ногам. Всё, через два дня перейду жить к ней. А стирать кто мне будет? К Руфе буду отвозить своё бельё. Хотя и у Марты можно стирать, у неё хорошая стиральная машина. – Вспомнил лёгкий поцелуй Марты, её горячие губы. – А я понравился ей... Кстати, почему я стал нравиться женщинам? Надо спросить у Марты, чем именно я ей понравился.

Юноша никак не мог уснуть, перебирая в памяти всё, о чём говорил с Мартой. Вспомнил и как любовался её лицом, фигурой; и как скромно вела себя – не скажешь, что

она доктор наук, профессор. – Вообще-то так и должно быть: чем умнее человек, тем он проще. Когда вот из грязи да в князи... А Марта княжеских, точнее, ханских кровей».

С этими мыслями Ваня и уснул в своём уютном деревянном доме, а через дощатую перегородку спала его тётя Руфа, которую он уже как два года называет по-дружески – Руфа. Ведь ей всего лишь тридцать девять лет.

В первый же вечер, как Ваня Молодцов стал жить у Марты, она сказала:

– Ванюша, сестра мне пишет, что ты массаж умеешь делать. Это правда?

– Да, есть кое-какие навыки – научился у своего тренера.

– Это хорошо. Массаж для меня – средство от усталости и для крепкого сна. Рискнёшь мне сейчас его сделать?

– Попробую. – Юноша заволновался. «Сначала массаж, потом... Что-то быстро. А чего, собственно, резину тянуть? Раз-два, – как говорила Полина, – и в дамках». Он стал ждать, когда Марта пригласит его в свою спальню.

И вскоре услышал:

– Ваня, заходи.

Он нырнул в спальню как в воду, затаив дыхание. Марта лежала на кровати животом вниз, с ног до талии накрыта простыней. Юноша увидел белую спину; бретелек от бюстгалтера на её спине не было.

– Марта, – слегка взволнованным голосом произнёс он, –

я массаж делал обычно в бане, когда кто-то лежит на полке, а так... Ладно, попробую.

Поглаживая, разминая эластичную, но плотную кожу на спине, он случайно сдвинул простыню и увидел голые ягодицы – белые, большие. У него комок в горле застрял.

– Ванюша, что с тобой? Ты чего остановился, стесняешься?

– Мар... та, я... не знаю, что со мной. Такого... со мной не было.

– А Поле ты делал массаж?

– Делал. Но там... я не волновался.

– А со мной, почему разволновался?

– Не знаю.

– Успокойся. Приляг рядом, попривыкни ко мне.

Ни жив, ни мёртв (куда только делась его смелость), Ваня исполнил просьбу своей богини – только так он мог назвать эту женщину.

Она легла набок и положила руку ему на грудь. Его грудь вздымалась.

– Успокойся, неужели я страшная?

– Наоборот, красивая. Ты мне очень понравилась.

– В каком смысле?

– Ну, мне нравятся такие женщины, а ты... особенная.

– Почему в таком случае дрожишь?

– Не знаю.

– Как тебя успокоить?

– Марта, если бы я знал. Наверное, я всё же стесняюсь тебя: ты очень красивая, фигура у тебя... – Помолчав, он вдруг достаточно уверенно сказал: – Марта, давай всё-таки я сделаю тебе массаж? Ляг опять на спину, а я сяду на твои ноги. То есть не сяду, а... ну, сама понимаешь. Попробуем?

Марта улыбалась, но Иван этого не видел. Она перевернулась на живот и, смеясь, сказала:

– Можешь садиться даже на меня, пониже спины. Это место и троих, как ты, выдержит.

Не поддаются описанию те муки, какие в первую минуту массажного действия испытывал Иван, как старался угодить своей «богине». В конце концов он осмелел. И Марта, довольна охая, шутила: «Ванюша, не щекоти мои бока... Ванечка, а теперь спинку хорошенько разомни; так уж и быть, и ноги мои помассируй. Ты голых женщин видел со спины?» – «Видел». Иван вдруг разозлился. Подумаешь, учёная, бабы все равны – профессорши, подсобницы...

– Марта, ты почему смеёшься надо мной? Видел я вас и голых, и прочих-разных. И сейчас вот вижу тебя голой, пусть только со спины, ну и что? Да мне хоть...

– Ванюша, прости, если я тебя обидела, я не думала, что обидное что-то говорю. Мне просто приятно с тобой, а ты... Я не знала...

Поняв, что незаслуженно обидел женщину, которая, видимо, настрадалась одна, без мужчины, и действительно обрадовалась гостю, тем более любит массаж... Многое понял

в это мгновение юноша. Он провёл руками по красивым женским ногам.

– Марта, – тихо, проникновенно произнёс он, – извини, пожалуйста, я был не прав. И обещаю: таких выпадов с моей стороны больше не будет.

– Умница, а теперь продолжай массировать. – Потом похвалила его: – Какие у тебя сильные пальцы, за такие ощущения я готова тебя расцеловать...

Спустя минут двадцать Марта поблагодарила Ивана за массаж и пожелала ему спокойной ночи. Он с неохотой ушёл.

В дальнейшем она частенько обращалась к Ваниному умению. А однажды, когда в знак благодарности поцеловала его, как обычно, в щёчку, он обнял её, пытаясь поцеловать в губы. Марта оттолкнула его.

– Это что такое? Ты как ведёшь себя? Чтобы этого больше не было. Ты меня понял?

– Марта, извини, – взволнованно заговорил Иван, – я не знаю, что на меня нашло. Прости, пожалуйста, я всё понял.

– Это хорошо. А я уж подумала, ты захотел прервать нашу с тобой дружбу. Нам с тобой ссориться нельзя, я мечтаю сделать из тебя отличного инженера-строителя. Потом, может, добрым словом вспомнишь. А пока ты мне – я тебе. Я тебе даю знания, ты мне помогаешь по дому, ну и, конечно, делаешь массаж. Ты доволен такими отношениями? – Марта

ласково улыбнулась.

Юноша доверчиво посмотрел на неё. Конечно, он был доволен. Доволен тем, что каждый день общался с этой, действительно, как говорила Полина, умницей. С нежной (он это видел, чувствовал), жизнерадостной (несмотря ни на что) и самой дорогой для него женщиной. А уж когда делал ей массаж, поглаживал её спину – то испытывал неземное блаженство.

...Перед Новым годом Молодцову присвоили звание кандидата в мастера спорта, хотя, по его мнению, должны бы присвоить мастера спорта, поскольку стал серебряным призёром чемпионата Советского Союза. Он прыгал от счастья и, не сумев удержать в себе эмоции, в тот же день позвонил Полине. Та искренне порадовалась за него. Затем полюбопытствовала:

– Какие у тебя отношения с моей сестрой?

– Дружеские, – ответил Иван. – А какие у нас с ней должны быть отношения? Я помогаю ей по дому, она готовит меня в институт, иногда ходим с ней в театры, в музеи. Я заметил, что она свыклась со смертью мужа.

Слышно было, как Полина усмехнулась. И сделав короткую паузу, спросила:

– Не планируешь к нам летом в командировку?

– С радостью бы, но летом вряд ли получится: экзамены в техникуме, потом соревнования по боксу.

– Но если всё же будет возможность, приезжай. Просто

в отпуск. Мы тебе всегда рады с Фаинкой. Целую тебя, мой златовласый.

– Полечка, Фае передай от меня привет.

– Обязательно передам.

Он разговаривал с Полей с телефонной станции, чтобы не беспокоить Марту, которой ничего не сказал о своём звонке.

Глава 5. Наставница

Иван уже год жил у Марты. Он помогал ей по хозяйству, ходил в магазин, убирался в просторной квартире. Он давно перестал думать о том, чтобы сблизиться с ней. А ведь была мечта. И до сих пор не пропала, потому что во время каждого массажа ждал: вот она перевернётся на спину, повалит его на себя... Она же только, смеясь, шутила: «Ванечка, боюсь, что такого замечательного массажиста у меня могут девушки увести». Он отшучивался, говорил, что не знает никаких девушек, не нужны они ему.

С Мартой он давно вёл себя свободно и всё благодаря, наверное, моральной поддержке в его адрес. Иван впитывал всё сказанное Мартой как губка. Крепко запомнил её слова о том, что практически в любой ситуации надо вести себя с достоинством, нельзя позволять закабалять себя. Но в минуты, когда его руки во время массажа мяли и поглаживали её тело, сходил с ума, представлял себя рабом у ног этой женщины, готов многое отдать за одну только её мимолётную ласку. А она была спокойна, сдержанна. Он говорил себе: женщина – загадка. И вспоминал слова Полины о любви, влюблённости мужчин в загадочное женское тело...

Разговаривая по вечерам, они затрагивали разные темы. Она рассказывала ему и об архитектуре, и о строительстве в целом. Старалась так преподнести материал, чтобы он сам

доходил до сути решаемых вопросов. Иногда ему хотелось просто полежать на диване. Он оправдывал это усталостью – работа, учёба, тренировки. Тогда Марта находила такие слова, что Ивану становилось стыдно за свою лень. Он садился за письменный стол и начинал работать.

Иван с удивлением стал замечать, как расширяется круг его интересов – музеи, театры, выставки живописи, концерты симфонической музыки, которую, откровенно говоря, не любил. Но постепенно, шаг за шагом, он и к классической музыке изменил своё отношение. Однажды, будучи сильно уставшим, он пришёл с Мартой на концерт симфонического оркестра. И музыка выдающихся русских и зарубежных композиторов неожиданно подействовала на него странным образом. Она обволакивала, завораживала, снимала накопившуюся усталость. Чарующие звуки музыки оздоравливающее вливались в него, казалось, что и одежда пропитывалась чудодейством, становилась другой, пахнущая чем-то исцеляющим. После того концерта классическая музыка для него стала своего рода целебным напитком.

А ещё Ивану нравились прогулки вдвоём по старой части города. Так бы и слушал часами рассказы Марты об истории города, о его знаменательных датах. Рассказывала она увлечённо, азартно. Щёки её в эти минуты покрывались алым румянцем, глаза блестели. Не то, что дома, за книгами, где она являла собой саму строгость и недоступность. Нет, прогулки вдвоём ему нравились больше. В такие минуты думалось,

что она бросится на него, зацелует. Ваня ждал, когда она намекнёт, позовёт... Он начинал фантазировать: вот он целует её губы – сочные, манящие; белые груди, пусть небольшие, но какие! «Никогда бы не дал ей тридцать семь лет. Она молодая, красивая. Да и не в возрасте дело».

Марту между тем не устраивало, что Ваня часто уезжает на соревнования. Пропускать работу – это ещё куда ни шло, но учёбу... До поры до времени она молчала. Когда же о боксе он стал говорить больше, чем об учёбе, решила побеседовать с ним. Однажды она села на диван рядом с Ваней и начала разговор.

– Ваня, выслушай меня, пожалуйста, и не перебивай. А чтобы не ходить вокруг да около, откровенно скажу, что спорт – я согласна со многими – хорошая штука, но это для человека должно быть вроде хобби. А для жизни надо иметь крепкую опору – профессию, которая будет кормить и тебя, и твою семью в будущем. Ты уже сейчас, если надо, можешь защитить себя, своих близких. Хочешь стать чемпионом мира?

– А почему бы и нет? Я уверенно чувствую себя на ринге, у меня хорошая техника, нокаутирующий удар. Ты не веришь в меня?

– Не в этом дело, Ваня. Я-то, может, и верю, да вот вопрос: повезёт ли тебе? Допустим, ты стал чемпионом мира, а дальше что? Многие большие спортсмены спиваются после выхода из спорта, не находят себя в жизни. А всё потому, что

не имеют специальности, которая бы приносила материальный достаток. Стать тренером? Для этого тоже надо учиться. Ты же решил стать строителем. И пусть даже будешь работать рядовым каменщиком, то на кусок с маслом всегда зарабатываешь. А заниматься спортом надо всё-таки для души. Так что, Ванечка, выбирай: или быть профессионалом в своей профессии и заниматься спортом для души. Или заниматься только спортом, где потеряешь здоровье, после чего никому не будешь нужен. Делай выбор сейчас, потом будет поздно – поезд укатит вперёд.

– Не укатит, – уверенно заявил Иван.

– Допустим, не укатит, – согласилась с ним Марта. – И что? Ну, уйдёшь ты в спорт, но ведь это не вечно, как и здоровье. Дело в том, что многие из бывших спортсменов, как известно, считают себя неудачниками – то недоделали, это; образования нет... Приведу такой пример: кто во все времена недоволен властью? Кто желчью брызжет на всех уровнях? Неудачники. Им всегда якобы кто-то мешает: революционерам – царь... – Оглянувшись, шутливо спросила: – Нас никто не подслушивает? Так вот, – усмехнулась она. – И сейчас таким демагогам кто-то мешает: одному – начальник ЖЭКа, другому – успешный сосед. А пенсионеру, бывшему неудачнику, мешает сама власть. Всем чего-то не хватает. И никто из них не ведаёт, что они – грошбывые специалисты, как сегодняшние, так и бывшие, не имеют права что-то требовать, кого-то критиковать, ибо они – дешё-

вые демагоги. И брызгают желчью потому, что неудачники. Неважно, когда ими стали, из какой сферы деятельности они вышли.

– А может, причина всё же в том, что неудачники не нашли себя в жизни?

– Согласна: каждый человек должен найти в жизни свою нишу. К сожалению, не всем это удаётся. Пытаются, конечно, найти, но... Каждый, будь то животное, человек и прочая живность, все должны искать или создать свою нишу, которая бы соответствовала и росту – опять же образно говорю – и собственным знаниям. То есть каждый должен заниматься своим делом. Не должен кучер управлять институтом, городом, предприятием. Он должен управлять лошадьми. Кстати, тот же кучер никогда не обижался на своего барина, понимал разницу. И не обижался на свою зарплату – знал: каждому своё. А сейчас так: вроде бы не дурак, но не начальник. А начальник и кричит, ругается, значит, человек, мягко говоря, не очень воспитанный, а поди ж ты – людьми командует.

Марта, как всегда, говорила спокойно, без назиданий. Наверное, поэтому Иван и не стал с пеной у рта защищать свой любимый бокс.

– Во многом, Марта, ты права. Я тоже слышал, что некоторые бывшие чемпионы начинают пить. И как раз из-за того, что не имеют профессии. А у меня есть профессия, тем более скоро техникум закончу. Потом в армию...

– Ванюш, я по поводу тебя уже разговаривала кое с кем из военкомата, думаю, тебя в армию не заберут.

– Как не заберут? Я что, больной?

– Ваня, – ласково проговорила Марта, – после техникума ты сразу поступишь в строительный институт, закончишь его, потом тебя возьмут на двухмесячные сборы, после которых тебе присвоят звание лейтенанта запаса. Это что, хуже?

Он добродушно усмехнулся:

– Это будет в том случае, если я поступлю, а потом закончу дневное отделение института. А с вечернего отделения меня сразу же, с первого курса, в армию заберут.

– Ванюш, я хочу, чтобы ты поступал на дневное отделение.

– Ты хочешь, чтобы я на твоей шее сидел? Или на зарплату моей тётки? Не буду, я говорю это чётко и однозначно. Ну, Марта... у меня иной раз возникает ощущение, что ты во мне видишь своего родственника. А мне хочется, чтобы ты видела во мне мужчину – мне уже девятнадцать.

Марта прижала его голову к своему плечу.

– Глупенький, я вижу в тебе не какого-то родственника, а хорошего человека, с которым мне приятно быть рядом. А насчёт мужчины... – Она поцеловала его в щёку, вновь прижала его голову к своему плечу. – А мужчину я давно в тебе увидела...

– Как это, что ты имеешь в виду? – юноша стремительно повернулся лицом к Марте. Она загадочно улыбнулась:

– Мы в одной квартире с тобой живём... Как я могла не увидеть в тебе мужчину?

Он сморщил нос, поиграл бровями. И, видимо, не поняв любимую женщину, внимательно посмотрел на неё.

– Марта, какая ты красивая! – неожиданно воскликнул он. И тут же смутился, покраснел. – Марта, я давно хочу сказать... Я хочу сказать, что давно тебя... люблю.

Эти слова оказались для смелого на ринге боксёра более трудными, чем поединок с сильным противником. Женщина снова, в который раз за недолгое время, прижала его голову к своему плечу.

– Ванюша, – с необычайной нежностью произнесла она, – я понимаю тебя – молодой, здоровый. – Она помолчала, погладила по его волосам. – Я не слепая, давно заметила твои взгляды. А когда массаж делаешь, руки горячие... – Она лукаво посмотрела на него. – Я порой даже боюсь тебя, поэтому и начинаю шутить. Я же всё чувствую, но... ты молод для меня.

– Почему? – с каким-то надрывом в голосе, что никак на него не походило, спросил он. – Я же не виноват, что молод! И причём здесь моя молодость? Марта, – пытаюсь скрыть волнение, уже тише произнёс он, – я много думал, прежде чем признаться тебе в любви. Марта...

– Да я не могу даже представить, Ваня, что ты мой муж. Меня же на смех поднимут, если узнают, что я нашла себе мальчика...

– Какой я мальчик?! Мне девятнадцать.

Марта недовольно, как показалось Ивану, посмотрела на него.

– Ваня, мне стыдно в этом признаться, но скажу: в какой-то момент я тоже думала, наблюдая за тобой как бы со стороны, можем ли мы с тобой стать супружеской парой. И сделала однозначный вывод – не можем. Слишком велика разница в возрасте.

– Меня это не волнует. И если ты откажешь мне, я уйду от тебя. Уйду домой, к тётке. – Юноша встал с дивана и направился в сторону прихожей. Он был уверен, что Марта остановит его. Но она молчала.

«Отвергла, – с обидой думал Иван, стоя в прихожей, – отвергла мою любовь. Зачем тогда жить у неё? Я надеялся, что как только повзрослею на год, она по-другому на меня посмотрит. Значит, я для неё пацан: принеси – отнеси, размял – помял. Институт? Сам поступлю после армии. Но как я буду без неё? Приворожила она меня, что ли, своими глазищами, лицом, фигурой! О-о-х... Обидел дорогую мне женщину. И всё моя несдержанность. Никогда больше не забуду, как она сказала мне, что *выдержка – это визитная карточка воспитанного человека*. А я... Никуда я от неё не уйду!»

– Марта, – вернувшись в комнату, повинился он, – опять я не сдержался, прости. Я только до двери дошёл, а мне уже плохо без тебя. А что будет, если совсем уйду? Совсем плохо. Я не знаю, что со мной, я... как увидел тебя, так и... Марта! –

Он восхищёнными глазами посмотрел на неё. – Всё равно знай: я люблю тебя.

– Ваня, иди сядь со мной.

Он сел и Марта погладила его по спине.

– Любовь, – грустно улыбнулась она. – А я вот, Ванечка, надумала тебя с чудесной девушкой познакомить, Алисой. Она дочь моих знакомых. Очень воспитанная. И красивая. Учится в музыкальном училище. Я советую тебе познакомиться с ней. Ты не против?

– Марта, – прижавшись головой к её мягкому плечу, ответил Иван, – не надо сватать мне никаких девушек. Я думал, пройдут мои чувства к тебе, но нет, не проходят.

– Пройдут твои чувства. Просто ты целыми днями весь в делах: работа, учёба, бокс. Поэтому тебе и не до девушек. И всё равно ты её встретишь, свою любовь.

– Я её уже встретил.

Марта поднялась с дивана и, наклонившись, поцеловала Ивана в губы. По его телу прошла сладостная дрожь.

– Ну и ну, – качнула она головой. – Пошли, Ваня, выпьем ещё ликёра по рюмочке.

Он махнул рукой:

– Пошли.

После рюмочки Марта расслабилась. Они снова сидели на диване. Поглаживая юношу, шепча ему ничего не значащие слова, Марта вскоре увидела, что он ожил, заулыбался.

Она встала, прошлась по гостиной. Иван сидел, зачаро-

ванный её плавными движениями, фигурой... Как будто почувствовав на себе его взгляд, она повернулась к нему лицом.

– Ваня, ты массаж мне обещал сделать. – Она засмеялась и, глядя на него, сказала. – Но в момент своих манипуляций, мой мальчик, категорически запрещаю тебе думать, что я когда-нибудь стану твоей женой. Всегда помни: я твой друг.

Ожидая приглашения, Иван стоял у двери спальни. Эти секунды всегда были томительны для него, и всегда волновали: он слышал, как «бархатная» женщина раздевается, ложится на кровать...

В эти секунды и женщина немного волновалась, ожидая прикосновений юноши, когда чувствовала, будто искорки бьют из его пальцев. Да даже без искорок, одно прикосновение крепких рук – и это очень приятно. Возможно, ожидание таких вот ощущений и волновало её.

Глава 6. Женю её на себе

В первой половине июля Иван Молодцов получил диплом об окончании строительного техникума. Если бы он получил диплом до знакомства с Мартой, то был бы рад этому событию как человек, выигравший автомобиль. Но юноша видел себя уже студентом строительного института, поэтому и считал техникум этапом пройденным.

Марта, как Ваня не отнекивался, организовала торжественный обед, на который пригласила семнадцатилетнюю Алису, студентку музыкального училища.

Банкет получился весёлым, с танцами. И хотя Ваня относился к танцам без особой любви, но сегодня и он был в ударе. То ли от рюмки коньяка, то ли от чего-то другого. После танцев Марта попросила Алису что-нибудь сыграть на фортепьяно.

Уже по первым аккордам Иван узнал «Времена года» Чайковского. Алиса вся отдалась исполнению: её лицо разрумянилось, губки приоткрылись; голова качалась в такт. Должно быть она находилась в эти мгновения совсем в другом мире, где были другие мысли, звуки – всё другое. Значит, и душа её в этот момент находилась в другом измерении – несуществующем для одних, но существующем и близком для других – музыкантов.

Иван тоже забылся, с головой погрузившись в волшебное

царство звуков, где будто бы слушал весну с её неповторимым дыханием, журчащими ручейками. А вот слышится, как щебечут птички; они взлетают, мягко хлопая крылышками. «Какая она прелесть! – думал он, очарованный игрой Алисы, любуясь её длинными пальчиками, порхающими по чёрно-белым клавишам. И смотрелась она в светлом платье повесенному – лёгкой, воздушной. – А как она классно играет!..»

У Марты на губах мелькнула улыбка; Ваня её заметил, подумал: «Она, наверное, увидела, как я гляжу на Алису». – Он мысленно сравнил их. И пусть Алиса в эти минуты выглядела чудесно, сразу решил: «Моя Мартушка не идёт ни в какое сравнение ни с одной девушкой мира. Я ни на ком не женюсь, кроме неё. Приду из армии и женю её на себе. Придумаю что-нибудь особенное...»

Алиса тем временем закончила играть и повернулась лицом к слушателям. Марта права, она действительно хороша собой: тёмные волосы, зелёные глаза, небольшой носик. И замечательная фигурка. Но была она в эту минуту словно проснувшийся ребёнок: непонимающе хлопает глазками, видимо, находясь всё ещё где-то там, в мире грёз.

Марта зааплодировала, Иван сделал то же самое.

– Ванюша, – обратилась к нему Марта, – тебе понравилось, как Алиса играет?

– Очень понравилось, – искренне ответил он. – Она несколько не хуже играет тех пианистов, которых мы слушали

с тобой в филармонии.

– Погоди, что будет через пару лет. А я сейчас вспомнила твоё выражение лица на первых посещениях концертов, когда тебя будто кислые яблоки заставляли есть. – Марта засмеялась и пригласила всех за стол. Но и за столом разговор шёл о музыке.

Юноша восхищёнными глазами смотрел на Марту, свою мечту – несравненную ни с кем женщину. Марта улыбалась. Она стала часто улыбаться с тех пор, как у неё поселился Ванюша. Значит, чем-то он смягчил её душу, разогрел. Впрочем, где бы он ни появлялся, у большинства людей – мужчин и женщин, молодых и старых, светлели лица.

Проводив Алису до дома, Иван приобнял её, поцеловал в щёчку и, пожелав успехов на музыкальном поприще, направился на автобусную остановку.

На следующий день с тортом, конфетами, печеньем и самым дорогим подарком уже от Марты – двумя пачками индийского чая, Иван поехал хвастаться дипломом к Руфе. Та ожидала этого события со дня на день и за чашкой «наваристого» чайку со сладостями порадовалась за Ванюшу – обняла его, поцеловала. Иван тоже в долгу не остался: «благословил» Руфу на жизнь с сорокалетним вдовцом, который не так давно к ней прибился. И правильно, ведь одинокое дерево, которому не с кем обняться корнями и то, наверное, быстрее сохнет. А что говорить о человеке.

Покидал Иван милый его сердцу дом, который всегда пом-

нил, и в который всегда тянуло, с грустью. Правду говорят: сладок дым Отечества, а оно, это самое Отечество, начинается с родного дома. И не важно, какой этот дом – большой или маленький, особняк или хилая избёнка.

Глава 7. Да!

В райвоенкомате Ване сказали, чтобы ждал повестку в конце октября. И он ждал этого часа.

Марте, наоборот, не хотелось, чтобы постоялец, к которому она привыкла за этот год, покидал её дом. И поговорить будет не с кем, поспорить....

В последнюю субботу сентября, как только он пришёл из института, куда поступил и учился на вечернем отделении, Марта накрыла в гостиной парадный стол (в будни они завтракали и ужинали на кухне). В бокалах искрилось сухое вино – для аппетита, как сказала Марта. Юноша последнее время был весел с ней, ухаживал, говорил комплименты. Этот вечер не был исключением. Потом, как бы ненароком, начал говорить о том, что ему со дня на день в армию, а письма писать ему никто не будет.

– Все солдатики будут читать письма, – нарочито тоскливо заговорил он, – а я...

Неожиданно он опустился на колени перед женщиной.

– Марта, выходи за меня замуж, будешь писать мне письма. Почему ты не хочешь стать моей женой?

Она сказала игривым тоном:

– Ваня, ты на глазах растёшь. Всего год назад, был робок, стеснителен, а сейчас... – Сделав паузу, шутливо прикрикнула на него: – Ну-ка, садись за стол.

– Не сяду, пока не скажешь, – также шутливо ответил он, – что согласна стать моей женой.

– Если бы не твоя армия, куда ты собираешься как на праздник, получил бы за своё плохое поведение. – Вдруг она посерьёзнала. – Ваня, скажи мне, только честно, чем я поразила твоё воображение, что ты влюбился в меня?

– Всем: глазами, фигурой, волосами. Кроме всего, ты умная, с тобой интересно поговорить. И вообще, когда любишь, то любишь человека всего. Как тут объяснить, всё разложить по полочкам? На стройке, например, ясно – это кирпич, это раствор. А здесь? Но если честно, я почти с детства мечтал о такой женщине, как ты. Ты – это моя мечта.

– Нет, я всё равно тебя не понимаю. Ты только начинаешь жизнь, привлекательный, уже хороший строитель, боксёр. Да ты только подмигни, за тобой стая девушек бросится – выбирай. А тебе и выбирать не надо – я видела, как ты на Алису смотрел. И она не могла не понравиться: красивая, умная, нежная – в этом я не сомневаюсь, потому что отлично знаю её мать. А ещё, Ванюша, она девочка, ты хоть понимаешь, что это такое? – Марта строго посмотрела на него.

– Не нужна мне никакая девочка, – недовольно произнёс он. – Ни сегодня, ни через сто лет. – Он вздохнул-выдохнул, что делал всегда, когда волновался или был чем-то недоволен. – Но поскольку ты напрочь отвергаешь меня, то я с радостью ухожу в армию, где целыми днями буду заниматься боксом. За два года я многого могу достичь, потому что там

на уме будет только голый спорт. А насчёт института я ещё покумекаю, стоит ли мне продолжать учёбу. После армии, как мне на работе сказали, меня поставят бригадиром строительной комплексной бригады – это более сорока человек. От должности мастера я отказался заранее – там одни бумаги, а бригадир – живая работа.

Марта слушала его, нахмутив брови. «С характером паренёк». Когда он замолчал, спросила:

– Ты окончательно всё это решил?

– Да! – последовал твёрдый ответ.

– А что тебя смягчит, чтобы ты поступил по-моему? То есть меньше занимался боксом, а больше учёбой. Я хочу, чтобы ты обязательно продолжил учиться после армии.

– А почему тебе не нравится, если я боксом после армии буду заниматься, в то же время буду бригадиром работать? Мне, например, нравится работать даже простым каменщиком, а бригадиром ещё и ответственно, а главное интересно. Это не мастером или прорабом, где одни бумаги и процентовки. Чего там интересного?

– Ваня, – также твёрдым голосом произнесла Марта, – я хочу, чтобы ты был инженером-строителем. Ты любишь строительство, а поскольку ты лидер по характеру, из тебя может получиться хороший руководитель. – Помолчав немного, спросила: – Что мне сделать для тебя, чтобы ты выполнил мою просьбу?

В его глазах мелькнула хитровая улыбка.

– Я же тебе говорил: если станешь моей женой, значит, я буду выполнять все твои просьбы.

– Это точно? И прекратишь занятия боксом?

Пауза. И глаза в глаза.

– Марта, так нельзя, хотя бы....

Не дав ему договорить, она снова спросила:

– Нет, ты мне ответь: ты не будешь заниматься боксом, если я скажу: да!

– В армии меня не будут спрашивать. Там...

Марта опять его перебила:

– Армия – это армия. А я тебя спрашиваю: после армии ты будешь учиться? А бокс... бокс оставим на потом. Ты же знаешь, я боюсь, что постоянные удары по голове... Ванюша, это вредно. Ну, как, договорились мы с тобой?

У юноши появилось ощущение жжения где-то в районе живота, взволнованно трепыхнулось сердце. Он почувствовал приближение чего-то особенного. Голос дрогнул:

– Я выполню все твои условия.

– Даёшь слово?

– Даю.

– В таком случае я говорю тебе: да.

Ивану не стоялось на месте.

– Значит, ты согласна стать моей женой? – Он чуть было не дал «петуха», к счастью, вовремя снизил тон. – И прямо сегодня? – Он сияющими глазами смотрел на неё. «Неужели *это* случится?!»

– Да, Ванюша, – тихо сказала она. – И надеюсь, что ты тоже не забудешь своё обещание.

Иван подошёл к Марте. И не как «мальчик», а почти что муж. Обнял её – она ничего не сказала. И так, не отрываясь друг от друга, они и двинулись по гостиной в каком-то непонятном танце. Наконец Марта откинула голову назад и, с трудом сдерживая волнение, надтреснувшим голосом произнесла:

– Ваня, пошли. Я готова... выполнить своё обещание.

.....

Марта лежала на боку, уткнувшись лбом в мужское плечо – сильное, мускулистое. Иван ласково поглаживал любимую по голове.

– Марта, может, с моей стороны не очень удобно, но я спрошу: почему ты ничего не говоришь насчёт предохранения? Я не большой знаток, конечно, но слышал...

– Ванюша, извини, но не могла я забеременеть последние годы. Так что не переживай, мой юный гражданский муж.

Он слегка дёрнулся:

– Почему гражданский. Что это за муж?

– Когда мужчина и женщина ведут совместное, так скажу, хозяйство, но официально не зарегистрированы, брак в этом случае называют гражданским. И ты теперь можешь смело называть меня гражданской женой.

Иван повернулся лицом к своей гражданской жене:

– Мартушка, я давно хочу спросить: почему тебя так на-

звали? К твоей внешности, по моему разумению, больше подходит другое имя, например, Зульфия.

Она засмеялась:

– Меня назвали Мартой потому, что я родилась первого марта. Марта Фаридовна, звучит?

– Лучше бы звучало Зульфия. Мне очень нравится это имя: Зульфия, Зуля, Зуленька. По-татарски Зульфия, а по-русски Зоя, Зайка. Но я буду тебя ещё и Весной называть.

– Согласна, мой юный гражданский муж.

Иван улыбнулся; в голосе возлюбленной он не услышал иронии. Нет, ни в словах, ни в мыслях у Марты не могло быть иронии, она и в самом деле чувствовала, что с появлением в её доме Ванюши у неё в душе расцвела весна.

Рано утром, пока его гражданская жена готовила завтрак, Иван лежал в семейной постели и вспоминал вчерашний вечер, ночь. «Как она сдерживала себя во время массажа? – размышлял он. – Я думал, она холодная, а она вон какая, погорячее своей сестры. Да, сколько в ней всего: страсть, терпение, сдержанность...»

Глава 8. Гражданская жена

После того, как Марта дала согласие Ивану стать его гражданской женой, их вечера могли быть образцом для молодожёнов. Они улыбались друг другу, говорили ласковые слова, обнимались, целовались. А постель – она для них была истинным наслаждением, где «молодожёны» проявляли чудеса стойкости и, конечно же, страсти. Порой кто-то из них шутил: а вот так, кажется, мы ещё не пробовали...

Марта поражалась своему неудержимому, эмоциональному подъёму – раньше с ней ничего подобного не случалось. У неё даже работа отошла на задний план – мысли были заняты только им, Ванюшей. Он тоже стал другим: с одной стороны ему хотелось казаться более серьёзным, но оставался таковым лишь на работе, зато тренировки по боксу пропускал одну за другой. Не из-за клятвы ли Марте? Вот в армии... Пока же он, как бы имел право на тренировки, но данным ему «правом» не пользовался.

Однажды вечером он нечаянно сказал, что ему буквально на днях идти в армию. Марта вздрогнула: она думать боялась на эту тему. Но деваться некуда, поддержала разговор и даже пыталась улыбаться. Хотя Ваня заметил на её лице грусть.

– Мартушка, почему ты так печальна? Не грусти, я буду к тебе приезжать. – И вдруг, будто вспомнил чего-то: – Да, ты говорила как-то, что твой покойный муж разбился на «Яве».

Извини, пожалуйста, но как это произошло? У меня с детства мечта – купить себе именно этот мотоцикл.

Женщина испуганно посмотрела на Ивана:

– Никогда в жизни! – чуть ли не выкрикнула она. – Ваня, я прошу, давай мы с тобой никогда не будем говорить о мотоциклах – я их ненавижу. И не только потому, что на мотоцикле разбился мой муж, но и потому, что на «Яве» разбился мой первый жених, ему было семнадцать... мне, кстати, тоже. Так получилось, что я хотела прокатиться с ним, но он сказал: сейчас съезжу в одно место на десять минут, потом покатаемся. Не покатались. – Марта склонила голову и через мгновение, посмотрев на Ивана, сказала: – А позднее у моей подруги разбился муж. И тоже на «Яве». Но в том, что у меня разбился муж, в этом я себя считаю виноватой, поскольку счастье только в работе видела. Именно по этой причине муж нашёл себе увлечение – мотоцикл.

– Да-а, – Иван задумался. Потом сказал, то ли в шутку, то ли всерьёз: – А мог найти и другое увлечение – женщинами.

Марта грустно усмехнулась:

– Может, это было бы лучше. И в какой-то момент, возможно, мы бы нашли взаимопонимание. Но, к сожалению, все мы учимся на своих ошибках, а не на чужих. И опять же, к сожалению, слишком поздно.

– Марта, я со страхом думаю иногда: если бы не определённые стечения обстоятельств, мы бы с тобой, наверное,

не встретились.

Она сосредоточенно посмотрела на него и сказала:

– Думаю, мы бы с тобой всё равно где-нибудь встретились, потому что не встретиться мы никак не могли.

– Вот и я того же мнения, мой вечный весенний праздник, моя неповторимая, самая дорогая мне женщина. – Иван вдруг засмеялся. – И встретились бы мы с тобой, наверное, в художественном музее, разглядывая картину художника Крамского «Неизвестная».

– И такое возможно.

– Марта, всё забываю тебя спросить: я обратил внимание, что ты последнее время не куришь. Неужели всё-таки на мои уговоры поддалась?

– В том числе и на уговоры, – таинственно улыбнулась она. – Ты доволен моим ответом?

– Очень.

Через несколько дней после этого разговора, в конце октября, Молодцов получил повестку из райвоенкомата: его призывали в армию. Проводы в армию чаще всего проходят, как свадьба: с вином, песнями... У Вани было так: он пришёл с гостинцами к двоюродной тёте, которую почитал как мать или, во всяком случае, как самую близкую родственницу. И хотя последнее время заглядывал к ней реже, но звонил довольно часто – Марта помогла ей в своё время поставить телефон.

Ваня, Руфа и её сожитель посидели за столом, попили

чаю. Но стоило Ване встать, как тётя со слезами бросилась ему на шею, говоря слова благодарности: и за постоянные подарки, и за дом, в котором она живёт. Много добрых слов она сказала своему любимцу.

Этим же вечером Марта старалась держаться бодрой, хотя с трудом сдерживала себя. А утром, когда Ваня уже стоял с рюкзаком на плече, она, как и Руфина вчера, бросилась ему на шею. Он начал успокаивать её, целовать. Перед тем как покинуть эту квартиру, он прижал к себе любимую женщину.

– Ваня! – вскрикнула она. И замолчала, прикусив губу; в её глазах стояли слёзы, потом ручейком покатились по её бледным щекам.

– Марта, не плачь.

Она схватила его за руки, стала осыпать их поцелуями, то одну, то другую.

– Ваня, Ванечка, я люблю тебя, люблю. – И снова стала целовать его руки, поливая их своими слезами. – Ванюша, приезжай, постарайся, служи хорошо, – несвязно лепетала она.

Так и осталась Марта в памяти Ивана – с безутешной болью в глазах.

Глава 9. Армия

На областном призывном пункте, куда свезли новобранцев из многих районов области, Иван был уверен, что его сегодня же отправят в спортроту. Куда именно он не знал, но ещё летом в военкомате ему сказали, что будет служить недалеко от дома.

Проходит день, он томится в огромной казарме, где днюют и ночуют такие же, как он – будущие защитники Родины. Кому-то везло: сегодня приехал, сегодня и уехал с «покупателем». Куда – это секрет для призывников. Молодцов попытался выяснить, но офицер, к которому он подошёл, просто отмахнулся: не до тебя, мол. А на призывном пункте столпотворение: где-то пьют, спорят; где-то под гитару поют, веселятся; в дальнем углу за грудки схватились...

Лишь на третьи сутки его и ещё несколько человек повели на медкомиссию.

После медкомиссии человек сто – в их числе Иван – построили, вывели за территорию призывного пункта, посадили в автобусы и повезли в аэропорт.

Прилетели на какой-то аэродром в Подмосковье. Не дав как следует размяться, посадили на другой самолёт. Прошел слух, что летят на Дальний Восток. «Что-о?! – про себя завопил Иван. – Какой Дальний Восток?» И вспомнил, как мельком видел своего тренера в райвоенкомате – тот разговари-

вал с майором. Тренер, заметив своего ученика, отвернулся. Как он сказал Ивану недели две назад? «Редко стал посещать тренировки, Ваня. Я столько сил в тебя вложил, а ты... Думаю, тебе полезно от бокса отдохнуть». А до этого тренер ругался, говорил, что Иван не оправдал его надежд. Должен чемпионом Советского Союза в этом году стать, а у него то техникум, то институт. «Отдохни, студент». Неужели всё-таки тренер оказал ему медвежью услугу?

А самолёт летит уже час, два... Кто-то из новобранцев пустил слух: сначала летим до Хабаровска, затем поездом до Советской Гавани, что на берегу Татарского пролива. И все, кто в самолёте, попадут в авиационную школу механиков. Иван недовольно хмыкнул: «Нашли, кого учить на авиамеханика, в стройбат – другое дело». Но он взял себя в руки, надеясь на месте узнать, мол, как это: почти мастер спорта по боксу, плюс строитель, а его – в авиационную школу. Думал он и о Марте: она будет ждать его в самое ближайшее время. Спортсмены обычно минимум раз в месяц приезжают домой. «Обманул я Марту. Не придётся мне скоро приехать».

Наконец многочасовой перелёт закончился приземлением в Хабаровске. Слух подтвердился. Отдохнув в одной из воинских частей, новобранцев повезли на поезде дальше, но не до Советской Гавани, а немного ближе – до порта Ванино. Затем пешим ходом до пункта назначения – военного городка.

Будущих курсантов авиационной школы привели в баню. Иван был в недорогой куртке, но хороших брюках, а на ногах – почти новые чешские ботинки «Цебо». Всё это узрел сержант, спросил вежливо: «Свои вещи домой будете отсылать?» – «Нет», – ответил Иван. Хотя практически все укладывали гражданскую одежду в посылки, выданные интендантской службой. Иван, обиженный тем, что его загнали в такую даль, не думал о каких-то шмотках. «Если вам подойдёт что-то из моих вещей, – сказал он сержанту, – забирайте». Тот прикинул на глазок размер ботинок и брюк, и, забрав подарок, ушёл.

После бани новобранцев облачили в новое обмундирование: кирзовые сапоги, хэбэшные штаны с гимнастёркой, бушлат с шапкой, и повели строем в столовую. На столах – как в ресторане. На первое – борщ по-флотски, на второе – плов, на третье – компот. Кто-то пошутил: «Это что, для нас такой праздничный обед?» Один из сержантов добродушно усмехнулся: «Привыкайте, здесь всегда так кормят». На ужин подали картофельное пюре с жареной рыбой и чай. Желающим предлагали солёную горбушу без нормы, а также белый и чёрный хлеб. Если кому-то не хватало – бери в хлебозерке.

Позавтракали макаронами с тушёнкой, тридцатью граммами сливочного масла и большой кружкой какао. Курсанты удивлялись такому питанию. Сержанты же без юмора говорили, что за время учёбы в авиационной школе, практи-

чески все курсанты поправляются не меньше, чем на шесть килограммов.

В первый вечер Ивана назначили командиром отделения карантинного взвода карантинной роты. И сделано это было с помощью небезызвестного сержанта, который кивнул на Ваню другому сержанту... Из рядовых были назначены командирами отделений и в другие взводы. Каким образом сержанты отбирали из вновь прибывших командиров отделений, а потом предлагали их командирам взводов – в основном бывшим лётчикам – для многих осталось загадкой. Главным преимуществом новоиспечённых командиров отделений было то, что они даже в карантине имели право ходить в магазин или в клуб без сопровождения сержантов. Были у командиров отделений и другие преимущества.

Но всё это не радовала Молодцова. Он чувствовал себя чужим в авиационной школе, обиженным. Обидно было и то, что в роту однажды пришёл ефрейтор, руководитель хора, и отобрал человек семь с вокальными данными. Взял он на заметку и акробатов (были такие), жонглёров... А его, Молодцова, без пяти минут мастера спорта по боксу, забыли.

Как оказалось, в роте ещё были недовольные. Иван, как и многие солдаты, в свободное от занятий время бродил по коридорам одноэтажной деревянной казармы. И однажды, прохаживаясь по длинному помещению, он разговорился с двумя рядовыми – Пашей и Славой. Одному из них исполнилось на днях двадцать пять лет, другому – двадцать

два. Так слово за слово, они разоткровенничались: служба, мол, конечно, хорошо, а дома лучше. Павел вдруг выдал мысль, что знает верный способ комиссоваться из армии.

Молодцов заинтересовался.

– И какой же это способ? – спросил он.

– Понимаешь, есть такое заболевание, – начал объяснять Павел, – называется оно энурез, то есть моченедержание. Точную причину этой болезни врачи до сих пор не могут разгадать.

– И что дальше? – нетерпеливо спросил Иван.

– А то, если ты решишься два-три раза в неделю мочиться понемногу в свою постель, а потом об этом узнает, например, командир взвода или кто-то ещё из офицеров, тебя положат в госпиталь. А если и там продолжишь в том же духе, тебя наверняка комиссуют. Так что думай.

– А сам что?

– Я прямолинейный слишком, к тому же не очень решительный. А у тебя, я вижу, может получиться. Славка придумал что-то своё – у него отец врач. Я тоже думаю над одним способом.

Пока Молодцов кумекал, с какого боку приступить к исполнению задуманного, подошло время принятие присяги. Этот день в армии, настоящий праздник для солдат. С этого дня принявшие присягу считаются курсантами ВАШМ (военная авиационная школа механиков). Ивана оставили в этой же роте и в том же взводе – командиром отделения.

Зам. комвзвода старший сержант Лагута был доволен своим помощником: дисциплинирован, имеет хорошую выправку, командирский голос, пользуется уважением. Его уже обещали оставить в школе заместителем командира взвода после её окончания. Выпускники школы получали только специальность: одни механика по двигателям, другие по вооружению... Молодцову обещали присвоить кроме всего и звание младшего сержанта. Но зачем ему эти должности и звания, если его обманули? И он попал не туда, куда планировалось.

В общем, ничто не радовало его в школе, даже благожелательная обстановка между курсантами, сержантами и офицерами. И Молодцов решился.

Глава 10. Симулянт

Через два-три дня после начала учебного процесса Иван приступил к задуманному. А примерно ещё через неделю он попросил своих корешей – Пашу и Славу сказать командиру взвода: мол, так и так...

Тут и началось! Командир взвода капитан Киселёв пригласил Молодцова в учебный класс:

– Товарищ капитан, курсант Молодцов по вашему приказанию прибыл! – отрапортовал Иван.

Бывший лётчик первого класса смотрел на бравого солдата угрюмо.

– Молодцов, объясни мне, не специалисту в таких вот вопросах, как такое может быть? Месяц у тебя было всё нормально, и вдруг. – Выражение лица капитана выражало недоумение, вопрос.

– Товарищ капитан, – состроив всем своим видом смущение, ответил Иван, – у меня и до этого было, но не часто. А после присяги... не знаю почему... стало чаще. Может, дом вспомнил, волнение... А может, от смены часовых поясов. – Он опустил голову.

Капитан сморщил нос и, мотнув головой, произнёс неуверенным голосом:

– Темнишь, наверное, Молодцов.

– Никак нет, товарищ капитан! – Иван встал по стойке

«Смирно».

– Ты хочешь сказать, что тебя надо отправить на обследование?

– Не знаю, товарищ, капитан. – Молодцов замялся.

– Хорошо, я подумаю, идите...

На следующий день после завтрака старший сержант Лагута, двухметровый здоровяк с Алтая, повёл рядового Молодцова в медсанчасть. Пока шли, старший сержант сначала пожурил командира отделения: мол, из-за тебя вынужден заниматься, чёрт знает чем. Потом спрашивает:

– Ты чего это решил симулировать из армии?

Ивану хоть и стыдно было перед Лагудой, но задумав играть роль, передумывать не собирался, в то же время и откровенничать поостерёгся.

– Товарищ старший сержант, я бы с удовольствием здесь служил и готов это делать, но я же не виноват. У меня и раньше такое было – то пройдёт, то снова начнётся, а здесь как будто прорвало. Возможно, смена обстановки как-то подействовала, климат. Не знаю.

Лагута, замедлив шаг, предупредил:

– Смотри, Ваня, если тебя раскусят, дисбат тебе гарантирован. А это тебе не в авиации сопли жевать. Вон пехотинцы по мёрзлой земле ползают целыми днями, видел, наверное. Но и они готовы лучше землю каждый день грызть, чем оказаться в дисбате. Там не жизнь – ад!

Иван предвидел подобное развитие событий, да и Павел

его предупредил о дисбате. Поэтому заранее отправил Руфе письмо, где разъяснил, что говорить, если придут из райвоенкомата. Объяснил и причину своего поведения. Иван не сомневался: тётя Руфа в случае необходимости со знанием дела выполнит его просьбу. Марте он ничего не написал о своём плане. Писал, что здесь красивая природа, сопки... В каждом письме старательно и искренне выводил на листе бумаги колдовские слова «люблю», «любимая», «милая», «дорогая Весна», «скучаю».

Свои письма, минуя военную цензуру, Иван отправлял не солдатской почтой, а гражданской – ходил к домам, где живёт население военного городка, и опускал конверты в специальные почтовые ящики. Он ещё за полторы недели до присяги получил от Марты письмо, где она писала, что тоже любит его, а в конце приписала:

«Ваня, наконец-то я забеременела. Это величайшее счастье, которое я не могу словами передать. Такое мне и в лучшем сне не могло присниться. Я думаю, что забеременела в первые дни, когда мы... Помнишь? И вот случилось чудо. Видимо, наши чувства были искренни и взаимны, поэтому так и произошло. Я бесконечно счастлива! Целую тебя миллион раз! Крепко обнимаю! Не грусти, хотя я понимаю тебя. Но всё равно не отчаивайся. Того, кто подложил тебе «свинью», думаю, жизнь накажет. Надеюсь, после окончания школы тебе отпуск дадут. Ехать далеко, правда, но...

Не переживай, держись.

Ты днём и ночью в моей памяти, мой мальчик, мой юноша, мой самый лучший в мире мужчина».

Получив от любимой женщины это письмо, Иван мысленно прыгал – так пела его душа. Был бы он лётчиком, наверное, слетал бы домой. Своей радостью ни с кем не стал делиться: кому нужна его радость? Подумают ещё, что он после этого и начал симулировать.

Но именно после сообщения от Марты Иван однозначно решил, что всё сделает для того, чтобы комиссоваться из армии.

«Служил бы я рядом с домом, – думал он в тот раз, – у меня и в мыслях бы не было комиссоваться, потому что и Марта ко мне бы приезжала, и я ездил бы к ней. Хотя бы раз в месяц. А в этой ситуации – ни отсюда, ни сюда».

...В медсанчасти Ивана принял военврач в звании старшего лейтенанта. Поговорив с Молодцовым, он дал ему успокаивающих таблеток, пояснил: принимать по одной таблетке за час до отбоя.

– А если они не помогут? – наивно округлив глаза, спросил «больной».

– Там посмотрим, – последовал неопределённый ответ.

Лагута дождался за дверью и, как только Молодцов вышел, спросил:

– Ну, что тебе сказал доктор?

– А что он скажет? Дал успокаивающих таблеток.

Прошло ещё две недели, в течение которых Иван выполнял предписание врача. Кроме того, его каждую ночь будил дневальный – по приказу командира взвода. Результат – ноль; Молодцов находил время, чтобы «замочить» свой матрац два-три раза в неделю. По просьбе Ивана один из курсантов снова пожаловался капитану, мол, нелады у нас...

На этот раз Молодцова положили в медсанчасть. Днём ему давали какие-то таблетки, которые он бросал в уличную уборную. Военврач каждое утро интересовался, как самочувствие, как спал, как... А по ночам его постель дважды обследовала дежурная медсестра.

Иван чутко спал, и, как только скрипнет дверь, начинал притворно похрапывать. Медсестра рукой под одеяло... ощупывает его. Приятно-о, до опупения. Второй раз она приходила обычно около пяти утра, и снова начинала его ощупывать. «Но почему она не будит меня? – удивлялся Молодцов. – Эксперимент, что ли, какой проводят? Ничего не выйдет, хрен вам! Найду время». И находил, хотя жутко не высыпался, бодрствуя в полглаза всю ночь. А миленькие медсёстры только руками разводили в недоумении. Днём Иван был вежлив с ними, говорил комплименты, шутил. Одна, лет двадцати трёх, как-то не выдержала, игривым тоном сказала:

– Молодцов, хватит разыгрывать шута, ты ведь симулируешь! Лучше с девушкой познакомься да встречайся с ней,

целуйся. А ты вместо этого занимаешься какой-то ерундой.

Иван пошутил в ответ:

– Вот с вами, Тома, я бы поближе познакомился. Вы как, не против?

– У меня муж здесь работает, а ты лучше с Верочкой познакомься поближе, потом утешай её по ночам. – Она лукаво посмотрела на него: – У тебя до армии были женщины?

– Только девушки, – сделав серьёзное лицо, ответил Иван. Тамара недоверчиво скривила губы и ушла в процедурную.

Кстати, Вера, смазливая медсестра лет двадцати пяти, уже не раз подмигивала Ивану, но он лишь улыбался: побалагурить – это одно, а конкретно... Марте он не думал изменять. Она, между прочим, недавно ему приснилась: вот он пытается её раздеть, но что-то мешает, пробует и так и сяк – не получается. В конце концов, проснулся от сладостного ощущения, приятного во сне и неприятного после сна. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: гормоны в молодом организме играют. И «взрываются» они во время сна. В этот момент кому-то снятся голые или полуголые женщины, кому-то... но конец один: пытаешься удержать возбуждение, но поздно.

А с теми же медсёстрами Иван почувствовал себя с недавних пор эдаким разведчиком, которому надо обмануть разведчиков другой стороны. Поэтому он смотрел на весь медперсонал как человек, знающий больше, чем они. Чувства стыдливости у него в этом случае не было. Кого стеснять-

ся: молоденьких медсестёр? Стыдливость, как и скромность (примерно так рассуждал он) хороша для девушек, а не для человека, которого, считай, обманули, предали. Возможно, исходя из такой вот логики, Иван и не чувствовал ни перед кем вины, стыдливости тоже.

Через десять дней его выписали из медсанчасти. Начальник медсанчасти сказал капитану Киселёву, что если у рядового Молодцова состояние здоровья останется прежним, то придётся его направить в госпиталь.

Павел подсказал бесприкрытый вариант, который всеми правдами и неправдами надо довести до логического завершения. Главное – не поддаваться ни на чьи «профилактические» беседы – ни капитана Киселёва, ни старшины роты, ни замкомвзвода.

Наконец его вызвал к себе командир роты, майор Барский.

Иван, как положено, отрапортовал, что явился. Майор смотрел на него долго, изучающе. Насмотревшись, он спокойно, даже по-отечески, начал разговор.

– Молодцов, а я думал после школы тебя замкомвзвода сначала поставить, а немного погодя – старшиной роты. Нынешний старшина осенью демобилизуется. Ты как смотришь на такой вариант?

Иван хотел было сказать майору, что случайно в эту школу попал, что он кандидат в мастера спорта по боксу, чемпион... Но что командир учебной роты может пообещать? Пе-

ревести поближе к дому, в спортроту? Не сможет. Тогда какой смысл, как говорит Мартушка, демагогией заниматься?

– Товарищ майор, если у меня всё будет нормально, вы знаете, что я имею в виду, то я с радостью останусь в школе. Но таблетки, как вам известно, наверное, мне не помогают. Я не знаю, может, в госпитале могут помочь? Может, там за неделю меня вылечат. – Последние слова Иван произнёс, с мольбой глядя на майора, как будто от него зависела вся его дальнейшая судьба.

Тот погладил подбородок, поправил галстук и, тяжело вздохнув, спросил:

– Так у тебя что, серьёзно с этой... – Он неопределённо покрутил кистью руки и добавил: – детской болезнью?

– Оказывается, серьёзно, если даже врачи не могут помочь.

– Ваня, – вдруг просто, задушевно произнёс командир роты, – давай представим, что со здоровьем у тебя всё в порядке. В этом случае ты бы как себя повёл?

– Товарищ майор, также честно, как и сейчас. А вы считаете, что я не полностью выкладываюсь в настоящее время? Товарищ майор, ко мне, как вы знаете, нет претензий ни со стороны замкомвзвода, ни со стороны командира взвода.

Барский побарабанил пальцами по столу.

– И всё же смотрю я на тебя Молодцов, глаза у тебя куда-то внутрь прячутся. Когда честно говорят, глаза смотрят по-другому, открытее, я бы сказал. Но я не прокурор, всего

лишь командир роты. И если всё же захочешь мне сказать правду, я всегда тебя выслушаю. И о нашем разговоре, никто не узнает. А сейчас что я тебе могу посоветовать? Говори только правду, в армии без правды нельзя. Да и в жизни тоже. Кстати! – Он пристально посмотрел на него. – Отец знает про твою болезнь?

Иван помрачнел.

– Моих родителей давно нет в живых.

– Извини, Молодцов, извини. А с кем ты воспитывался?

– С двоюродной тётёй.

– А что, если твою тётю уже расспросили, болееешь ты или нет, – майор оживился и был неузнаваем. Возможно, он под-сказывал солдату: будь осторожен, с симулянтами здесь особый разговор. – И она сказала, что ты даже в детстве в постель не писался?

Иван внутренне улыбнулся, подумав при этом: «Я это уже предусмотрел». Но внешне он остался спокоен.

– Товарищ майор, моя тётя скажет только то, что было со мной в действительности. Она слова не соврала за свою жизнь.

Барский развёл руками:

– Ценю таких людей. И я рад, что тебя воспитывала такая женщина. Повезло тебе, Молодцов. – Скользнув по нему взглядом, добавил: – И всё же мне кажется, что ты чего-то не договариваешь. – Он встал со стула, тем самым как бы закончив разговор, подошёл к окну, из которого просматри-

вался плац.

– Товарищ майор, разрешите идти, – как и положено, по уставу, обратился Молодцов к Барскому.

– Да-да, конечно, – рассеянно ответил тот.

Глава 11. Госпиталь

Во второй половине января Ивана всё-таки положили в госпиталь. Он внутренне ликовал и верил: осталось совсем немного и он покинет этот красивый, неповторимый край. Красивый, но не его... В кожном отделении, куда его положили, кроме таблеток, никакого другого лечения не проводилось. Иван сделал такое умозаключение, что его просто-напросто не знают, как лечить. Но по ночам, как и в медсанчасти, его два раза поднимали, чтобы не портил (так он шутил) казённое имущество. Естественно, наблюдали, сколько раз в неделю происходит недержание... Возможно, у врачей были и другие мысли по его лечению, но он о них ничего не знал.

В палате, кроме Ивана, находилось ещё трое больных – у двоих экзема, а у третьего, невысокого щуплого паренька по имени Игорь тоже детская болезнь, словами Барского.

Лишь спустя пять-шесть дней, после завтрака, пока в палате не было никого, Иван узнал у «коллеги», что тот всего лишь один раз в неделю портил казённое добро. Поинтересовался:

– Как это тебя положили в госпиталь? Один раз, это же пустяки. Я, например, так считаю.

– Не скажи, – пронизывая Ивана маленькими глазками, ответил Игорь, – и от одного раза через месяц соседи по кро-

вати завоюют. А я три месяца... – Он многозначительно хмыкнул.

– Три месяца, конечно, это кое-что. А ты давно в госпитале?

– Три недели. Мне сказали, ещё неделю или полторы, и меня выгонят отсюда. Потом документы вышлют в окружной госпиталь, в Хабаровск. Там сделают необходимые подписи и... домой.

С подозрением взглянув на Игоря, Иван подумал: «Что-то гладко у тебя получается: раз-два, и в дамках. Но если у него получится, то я чем хуже?»

– Слушай, – снова он обращается к старожилу палаты, – а в окружном госпитале, сколько времени бумаги пролежат?

– У кого как. Кто в течение месяца получает, кто-то позже.

Удовлетворив своё любопытство, Иван взял книгу Розенталя «Философские взгляды Чернышевского». Её он взял в местной библиотеке, рассчитывая, что врачи подумают о нём: «Серьёзный паренёк, такой на симуляцию не способен».

Но не успел он прочитать и одной страницы, как в палате послышался густой бас Забодаева – начальника отделения. Больные знали, что он в звании майора, но в форме его не видели ни разу. Ходил он по отделению в медицинском халате. Ещё знали, что не любил, когда ему козыряют, поэтому говорили ему «Доброе утро». Этот своего рода церемониал повторился и сегодня.

– Здравствуйте! – в ответ грохочущим голосом поприветствовал он больных. – Как настроение, здоровье, аппетит? – также по привычке спросил он всех и, подойдя к Ивану, хлопнул его по плечу.

Иван смутился от такого внимания и, подумав, что майор обратился именно к нему, сказал:

– Нормально, Николай Иванович.

– Ваня, а наши с тобой отцы тёзки, – необычайно мягким голосом произнёс тот.

Молодцов насторожился.

– И вообще на Иванах, – продолжал майор, – земля русская держится. Поэтому я и обращаюсь сейчас к тебе: выручай.

– А что надо сделать, Николай Иванович? – с готовностью ответил Молодцов. – Всё сделаю, что в моих силах.

– Вот и хорошо, – повеселевшим голосом загудел Забодаев. – В таком случае собирайся на автобазу, до обеда там поработаешь. А в помощники я тебе дам твоего соседа, Гаркушу, пусть тоже проветрится. Гаркуша! – скомандовал он. – Поступишь в распоряжение Молодцова.

Забодаев сказал к кому обратиться на автобазе и вышел.

Сестра-хозяйка выдала Ивану и его напарнику, худенькому Гаркуше, обмундирование, и, переодевшись, они отправились на автобазу. Там им объяснили, что нужно делать. Работа была простая: кучку гнутых стальных отрезков толщиной десять-двенадцать миллиметров надо выпрямить. По-

лучив рукавицы, солдаты работали с десяти до тринадцати тридцати. Вернувшись в госпиталь, они пообедали и легли отдыхать.

На следующее утро, Забодаев с новой просьбой.

– Понимаете, ребята, какое дело, – начал объяснять майор, – скоро у нас учения, а колышков для палаток нет. Одним словом, на автобазе найдёте кузницу, а остальное вам покажут.

– Ясно, Николай Иванович, – бодро ответил Молодцов. – На месте разберёмся.

Гаркуша шёл рядом с Молодцовым хмурый, как будто шагал на подневольный труд; но стоило им войти на территорию автобазы, лицо его просветлело. У себя дома, на Киевщине, он работал шофёром, и при виде машин у него, как и вчера, появилась улыбка.

– Эх, дали бы сейчас газануть на «Зилушке», – словно это было его заветной мечтой, проговорил он.

– К горькому сожалению, нас ожидает более серьёзная работа, – с весёлой нотой в голосе сказал Иван.

– Э-э-х! – Гаркуша в каком-то отчаянии махнул рукой.

Солдаты вошли в кузницу, где мужчина с окладистой бородой отбивал на наковальне стальную пластину. Увидев солдат, не долго думая, прекратил работать.

– Ребятишки, – сказал он, – кузнеца пока нет и мы сами делаем разную мелочёвку. А вам надо из этих вот железных обрубков, – показал он в угол рукой, – наделать колышков:

тридцать штук. Сможете?

– Гаркуша, сможем? – спросил Молодцов.

– А чего не смочь? Запросто.

– Я тоже так считаю: видели, знаем.

– Ну, я пошёл тогда, – сказал бородач и ушёл.

– Ну, что, сейчас накалим, оттянем с одного конца тридцать железяк и домой, – жизнерадостно проговорил Иван. С этими словами он взял в углу несколько стальных заготовок круглой формы и стал закапывать их в горящие угли горна.

Примерно час спустя Гаркуша предложил партнёру сделать перерыв. Выйдя на свежий воздух, Гаркуша направился к машинам, которые манили его как русалки. А Иван из праздного любопытства пошёл в механический цех – так было написано над входной дверью. Войдя в просторное помещение, Иван стал наблюдать за работой токарей, как ловко они вытачивали различные детали. Вдруг... он не поверил своим глазам: среди засаленных курток, между станков и угрюмых мужчин, это казалось привидением. И привидением оказалась красивая девушка. Она тоже заметила солдата, неуклюже смотревшегося в бушлате, кирзовых сапогах и шапкой в руках. Видно, девичье привидение притянули большие серые глаза Ивана и короткий, с медным отливом, ёжик на голове. Такого солдата хоть в драные лапти обуь, и рваный халат одень, он всё равно соколом будет смотреться.

– Бог в помощь, – подойдя к «привидению», весело произнёс Иван.

Девушка коротко посмотрела на него улыбчивыми карими глазами.

– Добрый день, – сказала она и вновь занялась своим делом.

«Какие красивые глаза, губки, – подумал Иван. – И носик симпатичный...»

Заметив, что она вытачивает металлические шпонки, заинтересовался, много ли их надо сделать. Она ответила: двести штук.

На первый взгляд Иван дал девушке лет семнадцать. Одежда она была в серую вельветовую курточку и синие, плотно обтягивающие, спортивные шаровары. Поверх наряда – дерматиновый фартук; чёрные волосы прикрывал чёрный берет. Разговорившись с Лией (так звали девушку), Иван узнал, что работать она пришла сюда после средней школы, но сначала поступила в политехнический институт на заочное отделение.

Вскоре Лия уже весело смеялась – Иван рассказывал ей анекдоты. И как не жаль было уходить от неё, но пора в кузницу.

Лия спросила:

– Завтра придёшь?

– Постараюсь, – пообещал Иван. – Попрошу ещё какую-нибудь работу.

Перед уходом он задал девушке вертевшийся на языке вопрос:

– А почему ты без защитных очков работаешь? Нарушаешь технику безопасности.

– Я случайно их разбила, а других пока нет.

Иван вернулся к работе над колышками в приподнятом настроении. Что-то мурлыкал, потом, вскинув руку с небольшой кувалдой, он медленно, с паузами, как читают обычно известные поэты, проговорил:

– Как кинжал, пронзает твой взгляд, но глаза, как ручей манят. Опьяняют глаза твои, как алый сок винограда пьянят.

Гаркуша удивлённо уставился на «кузнеца».

– Молодцов, уж не влюбился ли ты в свою знакомую? – Гаркуша заходил в механический цех и успел полюбоваться девушкой.

– А что, разве запрещено влюбляться солдату? – парировал Иван шутку напарника. Он никому не говорил, что у него есть жена, пусть и гражданская. А то начнут допытываться: кто она, учится или работает, сколько ей лет...

– Конечно, не запрещено, – ответил Гаркуша. – Но этой красавице надо бы манекенщицей работать и радовать людей своей фигуркой, а она болты нарезает.

– Не забывай, она кроме всего в политехе учится.

На следующее утро Иван стал просить у начальника кожного отделения какую-нибудь работу на автобазе. А то скуч-

но, мол, бездельничать.

– Молодец, Молодцов, – произнёс майор просившееся на язык словосочетание. – Иди в таком случае опять в кузницу, но сначала найди зам. директора автобазы Наливайко. Может, вместо кузницы он тебя в другое место направит.

– Николай Иванович, – обратился к нему Молодцов, – а что, если я не приду на обед в госпиталь? Я могу и на автобазе пообедать. У них, говорят, хорошо готовят. Деньги у меня есть.

– Ну, смотри...

На автобазу Иван пошёл без Гаркуши. Он нашёл Наливайко, который, действительно, дал солдату работу не в кузнице, а собирать по территории автобазы валявшийся металлолом и на тележке отвозить его в определённое место. Когда Иван посетовал, что работы здесь на целых три дня, Наливайко ответил: «Значит, будешь ходить к нам три дня».

Поработав более часа, Иван направился в механический цех – ему хотелось поговорить с кареглазой девушкой. Он тихо подошёл к ней сзади и стал наблюдать, как она вытачивает на станке какую-то деталь. Удивился, насколько ловко она переключает всевозможные кнопки и рычаги. «Управляется так, как Алиса с фортепиано», – пришло на ум сравнение. Наконец Лия, видимо, почувствовала дыхание за своей спиной, оглянулась. И в эту секунду такая улыбка появилась на её лице, как будто солнце выглянуло после непогоды. Иван тоже улыбнулся.

– Привет! – как давнюю знакомую поприветствовал он.

– Привет, – также просто ответила она. – А я знала, что ты придёшь.

– Каким образом?

– Чувствовала.

В обеденный перерыв Лия с Иваном сходили в столовую. Потом сидели, скрывшись за станком от лишних глаз, и, перебивая друг друга, делились впечатлениями: Лия от учёбы в институте, Иван – от дальневосточной природы. Они сидели друг против друга, но как-то незаметно Иван придвинулся почти вплотную к девушке. Она улыбнулась, посмотрела на него озорным взглядом. У него даже губы пересохли, так ему захотелось поцеловаться. Он хотел было обнять восхитительную девушку и целовать её, целовать – она бы не возразила – это видно было по её лицу. Но неожиданно представил перед собой Марту. И в эту же минуту вдруг захотелось стать просто другом этого глазастого «привидения».

– Лия, – мягким тоном произнёс Иван, – а ты знаешь, я только что хотел тебя поцеловать. Но... – он сделал многозначительную паузу. – Я женат.

Она удивлённо взглянула на него и, блеснув белыми зубками, спокойно произнесла:

– Ну и что? Я же не думаю за тебя выходить замуж. А то, что с тобой нос в нос сижу, это не преступление. И вообще, устаёшь, когда только одно на уме: учёба, работа... А хочется поговорить, посмеяться, ну и... поцеловаться. – Она безза-

ботно засмеялась. – Открою тебе наш девчоночий секрет, мы любили между собой целоваться. Чего так смотришь? Мы в десятом классе напропалую девчонки с девчонками целовались: и взасос, и язык в язык. Потом я на однокласснике тренировалась, сейчас он тоже в армии служит. Но любви у меня к нему нет, хотя он не плохой парень. Что так смотришь, как будто спрашиваешь: зачем тогда голову парню морочила? Потому, что он бегал за мной, стихи читал, в любви объяснялся. А я его, как бы в знак благодарности, целоваться научила.

– Может, и меня научишь?

– Ты женат.

– Жена дома.

– Если б ты не сказал, что женат, я бы тебя поучила целоваться. А так не буду, нехорошо лобзаться с женатиком. – Она снова беззаботно засмеялась.

– А тебя не познакомить с моим знакомым? Он неженатый.

На предложение Ивана Лия ответила, не раздумывая:

– Ваня, ты что думаешь, я с кем попало знакомлюсь? Нет.

Вот ты мне своим ёжиком понравился, и лицо у тебя доброе. Поэтому на тебя и засмотрелась. И, наверное, не я одна.

– Спасибо за комплимент. – Иван учтиво склонил голову.

– Но и с тобой, – продолжила щебетать девушка, – я бы только до поцелуев дошла. А разные там обжималки, дроздалки, фиг вам. – Опять засмеявшись (ну, хохотушка), она

игриво показала Ивану кукиш.

Уже лёжа в кровати, Иван вспоминал разговоры с Лией. Представлял и её гордую, грациозную походку. «Хорошая девчонка, со всех сторон приятная, – думал он. – Так и тянет с ней поговорить. Да, повезёт кому-то. А мне уже повезло, что у меня есть любимая, моя княгиня».

Повозившись в казённой постели, Иван стал представлять свою гражданскую жену: её чёрные, с поволокой глаза, густые дугообразные брови. Мысленно он уже целовал её всю – от лица до самых ног. Руки также мысленно стали поглаживать её гладкое тело. Он даже чмокнул губами и тут же спохватился, затих – не услышали ли больные? «Ну и пусть слушают, подумают, что я причмокиваю во сне». Иван перевернулся со спины набок, снова и снова представляя перед собой свою «княгиню». «И сердце бьётся в упоенье...» «Нет, надо спать. А то опять приснится Мартушка и будут уже не минуты чудного мгновенья». Полежав ещё немного, Иван незаметно для себя провалился в сон. Он даже забыл, что ему в эту ночь надо подмочить... свою репутацию.

Глава 12. Безгрешные поцелуи

На третий день Иван шёл на автобазу с опаской, что его отправят назад, в госпиталь, поскольку задание выполнил раньше срока. Он мог бы, конечно, работать не торопясь, но это было не в его характере. На территории автобазы, у диспетчерской, Иван встретил Наливайко.

– Пётр Модестович, – сказал он, – все работы, которые вы мне поручили, я сделал. Хочу ещё поработать.

– Сегодня, Ваня, можешь отдохнуть, ты заслужил. – В этот момент Наливайко позвали к телефону. – Ваня, – торопливо произнёс он, – мне сейчас некогда, а ты иди, погуляй. – Он направился внутрь здания, а Иван, вместо того, чтобы покинуть территорию автобазы, направился в механический цех. Увидев Ивана, Лия поприветствовала его движением головы, продолжая работать. Сегодня на ней были защитные очки.

Любуясь её чёткими движениями, Ивана так и подмывало увести её куда-нибудь в укромное местечко и поцеловать. Она будто прочитала его мысли.

– Ваня, – обернувшись к нему лицом, произнесла она – я сегодня работаю до обеда, а ты?

– А я безработный.

– Здорово! – обрадовалась она. – Тогда меня подожди.

– А что потом делать будем? – поинтересовался Иван.

Не оглядываясь, она шуточно бросила:

– Целоваться.

– О-о, неужели сбудется моя мечта! – воскликнул Иван.

Девушка засмеялась.

– Лия, чтобы не отвлекать тебя, можно я погуляю?

– Погуляй, но в двенадцать будь здесь.

Иван ушёл на улицу, а без четверти двенадцать опять стоял у станка, наблюдая за работой девушки.

– Всё, – наконец выдохнула она. И, выключив станок, стала собирать в ящичек металлическую стружку. – Теперь схожу, переоденусь и... пойдём ко мне чай пить.

Минут через пятнадцать они подошли к кирпичному трёхэтажному дому. Поднявшись на второй этаж, девушка открыла в квартиру дверь и, предложив гостю пройти первым, вошла следом. Оказавшись в просторной прихожей, Иван снял с себя бушлат, повесил его на вешалку. Посмотрев на свои кирзачи, замешкался.

– Сапоги вот – как-то неудобно. И портянки...

Лия успокоила его.

– Не расстраивайся, проходи в сапогах. Только сначала руки помоем, потом обедать будем. – Она прошла в ванную, включила воду. – У меня мама сегодня украинский борщ приготовила, вкусны-ы-й. А на второе галушки.

– А кто твои родители, – начиная мыть руки, спросил Иван, – кем работают?

– Мама учительницей в средней школе, а папа... А папа, –

повторила она, – заместитель директора автобазы Пётр Модестович.

У Молодцова челюсть отвалилась.

– Да ты что-о.

– Напугался? И про поцелуи, небось, забыл? – Она заулыбалась. – А про поцелуи я так сказала, ради шутки. Мне просто хотелось, чтобы ты развеялся от своего госпиталя, гражданским воздухом подышал...

На кухне они опять шутили, смеялись. И Лия с каждой минутой всё больше и больше очаровывала Ивана. А обратив внимание, как легко она двигалась по кухне, не удержался от похвалы:

– У тебя отличная фигурка. И походка как у балерины. Ты красивая. А чёрная коса... длинная, толстая. Я думал, у тебя короткая стрижка, а ты, оказывается, косу под беретом прятала.

На столе между тем появились тарелки с хлебом, колбасой и сыром.

– Любишь ты, как я заметила, делать комплименты, молодец. А коса – это моя гордость. А походка от занятий балетом в детстве – это ты верно подметил – не меньше четырёх лет занималась. Это меня мама заставляла, чтобы, говорит, осанка была. Ты борщ со сметаной любишь или с майонезом?

– Если можно, то со сметаной.

– Я тоже со сметаной люблю.

После обеда Лия стала водить Ивана по квартире. Он заглянул во все три комнаты, похваливая импортную мебель. Затем спросил:

– У вас на троих такая большая квартира?

– Нам на четверых её давали; у меня ещё старший брат есть. Но сейчас он в Комсомольске-на-Амуре, после школы туда уехал. Там поступил в институт, на факультет, связанный с самолётостроением. И меня звал к себе, да я не поехала, у нас климат мягче – чувствуется дыхание Тихого океана, и нет таких морозов, как в Комсомольске. Между прочим, я слышала, что солдат там кормят намного хуже, чем здесь.

– Я тоже об этом слышал, – подтвердил Иван. – А Комсомольск-на-Амуре я видел, когда мы через Амур переправлялись. Интересное зрелище: весь состав въехал на паром, в два этажа. И Амур... я не думал, что он такой широкий.

Лия неожиданно засмеялась.

– Я что-то не так сказал? – Иван смотрел на неё удивлёнными глазами.

– Да нет, я просто вспомнила, как расхваливала тебя отцу.

– За что?

– Сказала, что ты мне понравился.

– А отец что?

– Сказал, что ты трудолюбивый. А это, говорит, в мужчине – одно из главных качеств. Мой отец тоже трудолюбивый плюс с высшим образованием, а директором автобазы не ставят.

– Почему?

– Потому, что не член партии. Или раскопали, что у него дворянские корни в Польше. А местные... один директор автобазы имел только техникум, второго год назад тоже поставили со среднетехническим образованием. Почему их ставят, умные, что ли? Нет. Сначала оба были простыми водителями, потом техникум закончили, их в партию приняли. А в партию только рабочим вступить легко, а инженеру, например, проблематично, потому что сначала кучу рабочих надо принять, потом мастеров и прочих. И уж в последнюю очередь принимают начальников.

Поговорив ещё немного, Лия вдруг задала неожиданный и в то же время не очень приятный для Ивана вопрос:

– А ты с каким заболеванием лежишь в госпитале?

Он на мгновение смутился. «Честно сказать? Пожалуй, скажу, она не выдаст. А если соврать, подумает, что я действительно больной».

– Лия, я только тебе хочу открыться. Ты никому не скажешь?

– О чём ты говоришь?

– Но если ты меня выдашь, меня сразу посадят. В дисбат. Ты понимаешь, что это такое?

– Конечно, понимаю. Я что, по-твоему, на дуру похожа?

– Я так не думаю, – ответил Иван. И открыл девушке свою тайну. После которой она сначала радостно-удивлёнными глазами разглядывала его, а потом захохотала, роняя

голову то на колени, то поднимая её, смахивая со щёк катившиеся слёзы. С трудом успокоившись, воскликнула:

– Ну и молодчина! И поскольку ты сказал, что тебя больше не хотят отпускать на автобазу, я так и быть, поучу тебя целоваться. За твою смелость. Хочешь? Да чего я спрашиваю, иди сюда.

Он сел рядом с девушкой, сердце его учащённо забилося. «Наконец-то! Сколько времени я уже не целовался? Целую вечность». Других мыслей, кроме поцелуев у него не было.

После шквала поцелуев, от чего у обоих горели губы, решили сделать перерыв.

– А ты тоже хорошо целуешься, – сделала вывод Лия. Помолчав и состроив серьёзное лицо, насколько это было возможно после поцелуев, она продолжила: – Ваня, а насчёт твоей мнимой болезни я тебе так скажу: то, что ты химишишь, никому больше не говори, особенно мужчинам. Да и женщинам не надо говорить, это я железная – школа отца. А он с детства меня учил: секрет, данный тебе, никогда и никому не раскрывай. Стоит, говорит, только один раз смалодушничать, и всё: стержень в человеке треснул; такой человек останется слабовольным на всю жизнь.

– Наверное, твой отец прав. Стержень в себе надо лелеять, беречь как зеницу ока, а то потом всю жизнь спотыкаться будешь.

– Мой отец многому меня научил, например, как себя вести в экстремальных ситуациях. Сам он когда-то боксом за-

нимался, а бокс, говорит, учит думать. Иначе по башке будешь много получать.

– Умница твой отец. Я, кстати, девять лет боксом занимался, и кое-чего в этом виде спорта достиг: был вторым на чемпионате Советского Союза – это моё самое значимое достижение. Мастера спорта, правда, не успел получить, зажали...

– Ва-а-ня. – Лия сияющими глазами посмотрела на него. – Чего ж ты раньше молчал? Давай я тебя с отцом познакомлю.

Иван улыбнулся:

– Я с ним знаком.

– Да нет, в домашней обстановке с ним познакомишься. А с начальством в госпитале отец договорится.

– Лий, мне неудобно. Если бы я... Ну, в общем, мне стыдно перед ним будет. Понимаешь?

Восторженные нотки в голосе Лии потускнели.

– Понимаю.

Глядя на очаровательную девушку с погрустневшими глазами, Ивану захотелось чем-то развеселить её. Но ничего шутивного в голову не приходило.

– Лия, – вдруг весело воскликнул он, – а целоваться!..

Иван покинул гостеприимную квартиру в два часа дня. Как ему не хотелось уходить, но не хотелось и злоупотреблять доверием девушки, тем более она ещё раньше сказала, что около половины третьего возвращается с работы её мать. Лия, правда, просила познакомиться с её матерью, но Иван отказался, сославшись на то, что пора в госпиталь. Он уже

взялся за ручку входной двери, как Лия спросила:

– А почему ты не в спортивной роте служишь? Мой папа в спортивной роте служил, хотя у него первый разряд по боксу был. А ты почти мастер спорта.

– Это происки моих врагов, – пошутил Иван. – А я назло им химичу.

– Ванька! – неожиданно выкрикнула девушка и, бросившись ему на шею, стала его целовать.

Она оставила Ивану свой адрес и, на всякий случай, домашний телефон. «Мало ли что: вдруг надо что-нибудь будет, – сказала она. – А можешь просто в гости к нам прийти. В общем, звони или приходи – я буду тебя ждать».

Иван шёл к госпиталю и в его душе пели ангелы. Он готов был прыгать, скакать, драться на ринге с любым противником, настолько был счастлив, благодарен Лии, что она хоть на короткое время вернула его в совсем другой мир: мир блаженства, мир безгрешных поцелуев. До этого он считал, что лучше его вряд ли кто умеет целоваться. Нет, он ещё мальчик в этом деле. Лия – вот кто настоящая целовальщица!

После этой встречи Иван несколько дней чувствовал на своих припухших губах привкус губ девушки – это был незнакомый привкус девичьей чистоты и непорочности – так ему казалось. Чувствовал он и моральный подъём и ещё что-то незнакомое, но очень приятное. Одновременно с этим, вспоминая Марту, тяготило чувство вины перед ней. «Прости меня, Мартушка, но поцелуй, я думаю, простительны

солдату. Это ведь не измена, – оправдывал он себя. – Тем более, когда любимая женщина далеко, а рядом такая девушка! И сердце как-то странно щемит».

Глава 13. Волнения гражданской жены

Перед тем как попасть в госпиталь, Иван отправил Марте письмо, в котором просил пока ему не писать, обещая объяснить причину позднее, возможно, месяца через два.

Письмо со странной просьбой Марту обеспокоило. Вечером она позвонила Руфе, у которой однажды была с Иваном, и напросилась к ней в гости.

Положив в пакет две пачки индийского чая, коробку конфет, импортное печенье и бутылку коньяка, вечером отправилась к Руфине.

Ради встречи с Мартой хозяйка нарядилась в выходное платье, свободный покрой которого скрывал её роскошные формы. Не больно она любила их выпячивать. Её сожителю Фёдору, наоборот, нравилось в ней всё, особенно то, что ниже талии. «Чего ты смачный зад свой скрываешь? – порой возмущался он. – Некоторые панихиды (так он худых женщин называл) стараются подложить под свою одежду что-то, чтобы казаться повиднее, а ты прячешь такую красоту». На лице Руфины в этот момент мелькала довольная улыбка.

Сейчас она волновалась, поджидая гостью. С чем та придёт, с какими новостями. И лишь Марта появилась на пороге, засуетилась:

– Доброго здоровья тебе, наша благодетельница, здрав-

ствуй, наша радость.

– Какая я тебе благодетельница, – поздоровавшись, улыбнулась Марта – Чем я тебя облагодетельствовала?

– Как же, – всплеснула руками Руфина: – телефон нам провела, нам бы никогда его не поставили; Ванюшку моего подучила, в институт помогла ему поступить. Советы нам даёшь, это разве не благодетельница?

Марта сняла с себя итальянскую шубку, повесила её на вешалку в прихожей; на полку положила шапку из меха горностая. Подняв с пола пакет, принесённый с собой, передала его Руфине.

– Это гостинцы от меня.

Фёдор всё время, пока Марта раздевалась, смотрел на неё. Непонятно ему было, как это профессорша запросто пришла к ним. А уж когда увидел её в слегка приталенном платье, сказал:

– Во, Руфа, смотри на человека, хоть профессорша, а не стесняется свой зад показать. А он не меньше твоего, и вся она фартовая. И ты бы...

Руфина попыталась урезонить его:

– Помолчи, Фёдор, не забывайся.

– А чё, если красива баба, её и похвалить нельзя? Была бы ты доска, я бы к тебе ни в жизнь не пришёл. Сам тощей да на тощую? Не-е, одни искры будут, а смаку никакого.

Марта сидела возле кухонного стола и, улыбаясь глазами, слушала безобидную перепалку.

Руфина стала выкладывать из пакета на стол гостинцы.

– Ба, две пачки индийского чая. Печенье какое-то... ни разу такого не видела. А конфеты-то дорогие зачем нам? Нам бы «школьных» хватило. А это что, болгарский коньяк? «Плиска».

– Да, Руфа, болгарский. Приятный, скажу тебе, напиток.

«Напиток» Фёдора восхитил, он аж зажмурился от предвкушения грядущего удовольствия. Выложил Руфине свои соображения, будто Марты и не было здесь.

– Она профессорша, разве будет она пить краснушку да заедать килькой, как я. Профессорам заграничные коньяки подавай да икру с осётром. Или на худой конец дороги конфеты, мармелаты разны.

– Федя, профессора такие же люди, как все. Краснушку вот не пьют, да и тебе её пить не советую.

От обеда Марта отказалась, сказала, что пришла чаю попить и поговорить с Руфиной на женские темы, тем самым как бы давая понять Федору, что он будет лишним в женской компании.

– Ну во-о-т, – недовольно протянул он, – опять с профессоршой мне не удастся покалякать. А Ванюшка, Марта, как тебя нахваливал: вот дядя Федя, у какой умной женщины я живу. Вот как мне повезло, как родна она, не гляди, что чужа тётя.

Марта по-доброму усмехнулась:

– Неужели Ваня так и говорил про меня?

– Ну, может, и не так, а похоже. Он, Ваня, тоже умный, его тоже не сразу нам понять. Мы кто?..

– Кто мы? – Руфина повысила на сожителя голос, сверкнув на него глазами. – Ты, может, и не понимаешь Ваню, потому что образования маловато. А у меня на руках диплом техникума. Могла бы институт закончить, да бросила – с Ваней надо было... – Она оборвала себя, растерянно посмотрела на Марту. – Ты уж прости, что-то не туда я поехала. – И кивнула на Фёдора: – Может, отдать ему твой коньяк, чтобы не мешал нам? А то поговорить не даст.

– Тебе решать, ты здесь хозяйка.

Бережно приняв в руки бутылку с коньяком, Федор немедленно скрылся во второй половине дома.

– Теперь можно и поговорить, – с облегчением произнесла Руфа. – А вот и чайник закипает. Индийского заварим?

– Ну, конечно.

– Я тоже индийский люблю, грузинский не чай – опилки. Но за неимением хорошего приходится пить.

– Руф, а Фёдор что, не курит? Запаха сигарет что-то не чувствуется.

– Он трезвый только курит, но в коридоре, я не переношу табачный дым. А когда выпьет, не курит.

– Странно, – заметила Марта, – обычно наоборот: трезвый мужчина не курит, выпил – закуривает.

– Ты права, – поддакнула Руфина. – А у моего всё не как у людей: трезвый чадит, выпил рюмку – бросает сигареты.

У него всё наоборот: худой, видишь, ниже меня, а сила... богатырям фору даст.

Женщины стали пить чай и говорить об Иване: мол, какво ему там, чуть ли не на краю земли. Наконец Марта решила затронуть тему, ради которой сюда приехала.

Неожиданно послышался шум, на кухне появился Фёдор.

– Марта, – захмелевшими глазками глядя на неё, сказал он, – я тебя второй раз вижу и всё думаю: уж больно молода ты для профессорши. Может, ты и не профессорша вовсе?

Марта спокойно смотрела на Фёдора, удивляясь, как быстро он успел опьянеть.

– Вот я и думаю, – не услышав ответа от гостя, продолжил он: – а не запудрила ли ты Ванюхе мозги? Наверно, запудрила, а он поверил. Или он из-за хорошей жратвы у тебя живёт, работает на тебя? Вам чай на дом привозят разной всячины, это не нам, работагам. Поэтому таки бёлы и ходите, расфуфыренные.

Руфина не выдержала.

– Федька, постеснялся бы Марту, что ты вздор несёшь. Иди, пей коньяк, а то отберу.

Бурча что-то под нос, Фёдор вновь скрылся. Марта обратилась к Руфине:

– Руф, ответь мне, пожалуйста, Ваня пишет тебе письма?

Не зная, куда клонит гостя, Руфина убедительно заговорила:

– Пишет, как не писать. Всё подробно описывает: какие

там сопки, деревья, про климат писал, что зима в том краю, где он, мягкая. Правда, снега, говорит, много.

– А в последнем письме он ничего особенного не писал?

– Что ты имеешь в виду? – заволновалась Руфина. – Вроде ничего особого не писал.

– А мне недавно написал. – Марта пронизывающим взглядом смотрела на Руфину. Та ещё больше заволновалась.

– Марта, ты чего на меня так смотришь?

– Да всё думаю: скажешь ты мне правду или не скажешь.

– Какую правду?

– Ту самую, о которой Ваня тебе написал, а ты её от меня скрываешь. Он и мне бы написал, да кто я ему? Его учительница, которая многому его успела научить, но не успела научить говорить правду...

Слушая скорбный голос Марты, видя её затемнённое грустью лицо, Руфина поняла: эта строгая, красивая женщина только добра желает её племяннику.

– Марта, Ваня недавно прислал мне письмо, о котором строго-настрого просил никому не говорить, иначе у него будут крупные неприятности. Но тебе я расскажу, тебе можно. – И Руфина стала подробно рассказывать, о чём ей написал Иван, а главное – что надо говорить работникам райвоенкомата или другим официальным лицам, которые могут придти к ней.

Внимательно выслушав женщину, Марта спросила:

– К тебе кто-то приходил из официальных лиц? И если

приходил, ты всё сделала так, как Ваня просил?

– Марта, конечно, я всё так сделала. У меня были только из райвоенкомата, и они целый час, наверное, всё спрашивали, выпытывали. А я серьёзная такая с ними была. Здесь же вот сидели, на кухне.

– А Фёдор в это время где был?

– Он на работе был, он всегда в первую смену работает. Не-е, Марта, я вижу, что ты хочешь спросить: мол, не болталась ли я про это письмо Федьке. Нет, ты что.

– Правильно, Руфинушка, ты всё сделала, умница. Я вот только думаю: почему Ваня мне про всё это не написал? – Марта склонила голову.

Руфина, тяжело вздохнув, сказала:

– Наверное, постеснялся тебе написать про то, что задумал. Это меня он не стесняется, я ему вместо матери с девяти лет была, в бане его лет до двенадцати мыла. Уж большой был, волосы росли везде. С чужой тётей он разве ходил бы в баню? – Переведя дух и помолчав несколько секунд, Руфина продолжала: – Учила я его и хорошим манерам и, чтобы чисто плотным был, следил за собой.

Марта похвалила Руфину за правильное воспитание племянника и, поговорив с ней ещё несколько минут, стала собираться домой. Из передней был слышен голос Фёдора.

Руфина недовольно поморщилась:

– Марта, посидим ещё? Давай я чайку тебе налью.

Марта улыбнулась глазами:

– Спасибо, больше не хочу. Я и без чая посижу. А ты говори, говори, я тебя слушаю.

– Спасибо. Ты уж прости: тебе, наверное, не понравилось у меня. А что я сделаю? Трезвый, Фёдор, мужик мужиком, как только выпьет, начинает с телевизором разговаривать. Точнее не с телевизором, а кто передачи ведёт или... В общем, дурью начинает мужик маяться. И такое с ним бывает, когда даже не очень много выпьет. – Руфина посмотрела на дверь, за которой разговаривал Фёдор. – А на работе хвалят его, он плотником работает. И зарплату хорошую приносит, ещё подкалымливает – срубы в соседних деревнях делает. Банька у нас в огороде, так он её капитально отремонтировал, потом двор, полы. – Похвалив своего сожителя, с грустью посмотрела на Марту. – А в гости с ним хоть не ходи – уснёт, сюда кто приходит – то же самое. Вот на трезвого любо-дорого посмотреть: и чуткий, ласковый, обеды готовит. Да, ещё мебель разную делает, игрушки.

Марте захотелось хоть чем-то поддержать эту женщину, похоже, нелёгкой судьбы.

– Это хорошо, что у Фёдора любое дело в руках спорится. Он, можно сказать, творческий человек, а таким некогда о дурном думать. И твой, я смотрю, не буянистый, не драчливый, матом не ругается.

Руфина повеселела:

– Да нет, матом ругается, но редко – знает, что я не люблю мат. А грубость в нём наносная, а копни глубже, он доб-

ряк добряком. Я думаю, он иногда специально грубо ведёт себя, чтобы показать: дескать, я сильный, бойтесь меня. Это у многих мужчин невысокого роста, мне кажется, комплекс неполноценности. А погладь такого, как Фёдор, скажи ему ласковое слово и он растает, горы свернёт.

В кухне опять появился Фёдор. Слегка покачиваясь, он сказал:

– Красива ты баба, Марта, но и Руфочка тоже красивая, я её очень люблю. И она меня любит, потому что нежная. А такие как Руфочка и ты, Марта, очень нежные, потому что вас любят мужики. Кого любят, все нежные, как домашни кошки. А как вас таких смачных не любить? Но свою я особо люблю: её и там есть за что ухватить, и там. А руку положишь на одно место...

Марта ещё в первый приезд в этот дом поняла, что с Фёдором надо вести себя так, как обычная женщина.

– Значит, Федя, ты пухленьких женщин любишь? – усмехнувшись, спросила она.

– М-м, как комар крови. Не люблю тощих. Тощую и взять не за что и погладить, кроме сухой кожи, нечего. А ты, Марта, я смотрю, тоже гожа, мне по всем габаритам подходишь. Но и Руфочка гожа. Да... – Фёдор обвёл хмельным взглядом потолок, потрогал щетину на подбородке. – Помнится, я с Ванюшкой об этом обо всём разговаривал, он хоть и молод, а понимал меня. И такого же мнения о бабах, как я. У нас с ним вкусы сходятся.

– Сомневаюсь я, чтобы Ваня мог говорить на такие темы, – осторожно заметила Марта. – Притом, у него может измениться и вкус, и мнение о женщинах. Он действительно ещё очень молодой.

– Вряд ли Ванька изменит свой вкус, – безапелляционно заявил Фёдор. И куда только его хмель подевался. – Ваня, если что сказал, его слово железное. Он не по годам рассудительный мужик. И обо всём имеет своё мнение. О бабах тоже, скажу по секрету вам. – Фёдор вдруг ослабил, но тут же сделал серьёзное лицо. – Бабы, – продолжил он, – это мой любимый конёк, и Ваньке я много чего полезного рассказывал. Он мне всё спасибо говорил и со мной откровенничал, но об этом я вам не скажу.

– О своей невесте он ничего не говорил? – серьёзным тоном спросила Марта. – В его возрасте пора бы иметь невесту.

– Про невесту? – переспросил Фёдор и почесал голову. – Про невест мы вели разговоры, я говорил, что надо бы ему невесту, но он что-то мялся. В общем, нет у него пока невесты. И правильно, без неё легче в армии, а то мысли разные приходят... Помню, когда я служил, вспоминал свою. А она что? Пока я служил, замуж вышла. И хорошо. Потом я лучше нашёл, по нраву. А молодой чего я понимал? Ничего. И не видал ничего, кроме бабской рожи. Рожа, если хорошая – это хорошо, но к роже ещё кой-чего надо в придачу. Форс у бабы должен быть не только на лице, но и... – Фёдор хитрющими глазками уставился на Марту. Она, усмех-

нувшись, спросила:

– А где ещё?

– Об этом моя Руфиночка знает, её спроси.

Марта, улыбнувшись, покачала головой. И заметила, как Руфина ласковым взглядом смотрит на Фёдора.

– Руф, засиделась я у вас, мне пора.

Глава 14. Гипнотизёр ли?

Пошла четвёртая неделя, как Молодцов лежал в госпитале. На автобазу его больше не направляли. На просьбы Ивана поработать, ему вежливо отказывали. А однажды Забодаев пригласил Ивана к себе и с ходу спросил:

– Есть улучшения?

Иван понял вопрос.

– Нет.

– А я подумал, у тебя небольшой стресс, попробовал встряхнуть тебя. Думал, ты женщину найдёшь, как многие солдаты это делают, а ты вместо того, чтобы познакомиться с какой-нибудь разведённой дамой, положил глаз, как мне доложили, на девчонку. – Последовала пауза. – Бывает, – продолжил он, – что такое заболевание, как у тебя, проходит с началом половой жизни. Да, выдержанный ты парень, не бросаешься на кого попало. Ну, не расстраивайся, на днях к нам из округа приедет врач-гипнотизёр, попробуем тебя гипнозом полечить, думаю, тебе поможет. Ты боевой, энергичный. Внушению поддаёшься легко?

На этот вопрос Иван тоже понял, как надо ответить. «Если скажу, что плохо внушению поддаюсь, начнут ещё что-нибудь придумывать».

– Николай Иванович, я легко внушению поддаюсь, в этом я не раз убеждался.

– Ну и хорошо. Ты у нас сколько лежишь?

– Четвёртую неделю.

– Хорошо. Ждём врача-гипнотизёра. А сейчас можешь быть свободен. Готовься, внушай себе заранее, что у тебя болезнь пройдёт. И она, Ваня, действительно пройдёт.

Выйдя из кабинета Забодаева и ещё раз проанализировав с ним разговор, Иван подумал: «Темнит Николай Иванович, что отпускал меня на автобазу для того, чтобы я познакомился с женщиной. Почему тогда другие больные ежедневно ходят в райцентр? Кто на стройку, кто на разгрузку-погрузку... Их что, тоже посылают знакомиться с женщинами? Что-то здесь не то».

Иван стал ждать гипнотизёра, уверенный в том, что гипнозу он поддаётся плохо. Но сам себе при желании мог внушать. Однажды ему потребовался бюллетень; он пришёл в поликлинику, сел в очередь и начал себе внушать, что у него повышается температура, повышается... Входит к терапевту. Тот замеряет ему артериальное давление – в норме. Врач спрашивает: «На что жалуетесь?» – «Слабость, в сон что-то клонит». Врач сунул ему под мышку термометр. «Посидите несколько минут». Иван сидит и усиленно внушает себе: «У меня повышается температура, у меня...» и незаметно постукивает по полу ногой, думая, что его внутреннее волнение сработает в его пользу. И... чудо! Термометр показал 37.7 Больничный ему тогда выписали. Что это, совпадение? Иван не знал, но чувствовал, что он может внушать

себе. А ему вряд ли кто внушит, если он сам этого не захочет.

Медсёстры между тем, продолжали каждую ночь будить Ивана; в основном бесцеремонно толкали: «Иди в туалет». – «Я не хочу». – «Иди, нечего придуривать». Не все медсёстры, конечно, обращались так грубо. Вот обаятельная Оксана, в очках, обычно мягко трогала его за плечо: «Ваня, – шептала, чтобы другие не проснулись в палате, – вставай». Потом: «У тебя всё нормально?» – «Нормально». – «Ты ходил в туалет?» – «Да». Она уходила тихо, словно кошка на мягких лапах. Чудесная девушка!

Но однажды ночью Иван увидел, как Оксана выходит из кабинета начальника отделения без очков, каштановые локоны взъерошены, лицо возбуждённое. И без медицинского халата, платье на себе поправляет. Увидев Молодцова, она так засмушалась, что мгновенно опустила голову.

Иван на секунду встал, наблюдая, как молодая женщина стремительным шагом пошла по коридору, виляя округлыми бёдрами. Тут вышел Забодаев, тоже с возбуждённым лицом. Он растерялся, не ожидая встретиться с пациентом в два часа ночи. «Ваня, ты чего здесь делаешь?» – «В туалет иду» – «А-а, это надо, ступай». Такую картину Иван во время дежурств Забодаева наблюдал ещё не раз. И он не удивлялся: здоровому майору нужна женщина в соку. А у Оксаны, возможно, супруг слабенький. В то же время всё-таки осуждал её: «Солдаты, которые видят такое бесстыдное распутство, каково им? Какие мысли могут прийти в голову? Кто-то мо-

жет вспомнить свой дом, девушку: как она там? Чем занимается?...»

Чтобы быстрее пролетали дни, Иван ходил в красный уголок, играл там с кем-нибудь из больных в шашки или в шахматы. Иногда садился за стол и писал письмо: то Полине, то Руфе. Марте он не писал, но думал о ней ежедневно, правда, чаще всего перед сном. Очень приятно её представлять, когда в палате все спят, а ты мысленно разговариваешь с ней, обнимаешь её, целуешь... Главного храпуна, Игоря, не стало – выписали. О своей выписке он никому не сказал, даже «коллеге» по несчастью. Иван обиделся на симулянта, что тот ничего не сказал, не оставил ни пожеланий, ни советов.

Наконец решающий день настал. Забодаев после завтрака попросил Ивана не отлучаться из палаты.

Вскоре Молодцова вызвали в кабинет начальника отделения. Самого Забодаева не было, там находился мужчина среднего роста лет сорока, с большими залысинами. «Ага, – подумал Иван, – это и есть гипнотизёр». Тот, задав Ивану несколько уточняющих вопросов и получив на них ответы, усадил его в низкое кресло и, попросив закрыть глаза, снова принялся задавать вопросы: с какого возраста у больного недержание, как часто это происходит... Потом начал внушать ему: «Вы засыпаете, засыпаете... вы слышите только мой голос... говорите правду...» Гипнотизёр что-то ещё говорил, задавал вопросы. Иван сделал вид, что уснул, хотя на вопросы отвечал. Но отвечал как бы в полусне, машиналь-

но. Причём отвечал лишь то, что считал нужным, что выгодно ему. Он даже отключился на какое-то время от внешнего мира, ушёл в себя. А гипнотизёр продолжал водить руками над его головой, иной раз прикасался к голове. Ивану казалось, что тот надавливал на какие-то точки. Также ему казалось, что прошла целая вечность, как вдруг услышал обыденные слова: «У вас всё хорошо, вы абсолютно здоровы». Гипнотизёр, возможно, посчитал свою миссию выполненной. Ивану же закралась мысль: «Гипнотизёр ли это? Может, подстава?» Такая мысль пришла к нему неспроста. Во-первых, он не уснул, как его гипнотизёр не пытался усыпить, во-вторых, вопросы показались ему лёгкими. «Наверное, это обычный врач».

На следующее утро Забодаев вошёл в палату улыбающимся, как будто только что сделал важное дело.

– Ваня, ты почувствовал улучшение?

– Пока не знаю, – скромно ответил Иван. – Дело в том, что я позавчера... – Он не стал продолжать, но Забодаев всё понял. И мягким, даже вкрадчивым голосом попросил:

– Ты, главное, не нервничай. И всё будет хорошо.

– Дай бог, – ответил на это Иван.

Молодцова выписали из госпиталя на тридцать седьмой день. Что было написано в его медицинских документах, он не знал. Но Забодаев при выписке намекнул ему, мол, приедешь домой – женись, и болезнь улетучится. Иван понял: его

комиссуют. Когда? Сколько ждать?

Ждать документы из окружного госпиталя он стал в авиационной школе. Офицеры, сержанты роты, где Молодцов до госпиталя вёл активную жизнь, сейчас не обращали на него никакого внимания. Первые три дня он утром поднимался вместе со всеми, занимался на улице физзарядкой... После завтрака все шли в учебный класс, он ходил по казарме как неприкаянный. В наряды его не ставили, отделением теперь командовал другой курсант...

Вскоре Иван почувствовал незнакомую лёгкость в душе, не понимая, откуда такое ощущение. Он стал ходить по военному городку, продолжая отдавать честь офицерам и сержантам. Заходил в буфет при клубе, где брал лимонад, пряники и с наслаждением всё это уплетал, не думая, что скоро в наряд по кухне, пусть и старшим, как совсем недавно, или дежурным по роте. Не сразу, а постепенно начинал осознавать всю радость происходящего. Неужели он выиграл неравный бой? Или это сон?

На четвёртый или пятый день, как он приехал из госпиталя, его всё же увлёк за собой в оружейную комнату командир роты, Барский

– Молодцов, – без командирского металла в голосе обратился к нему майор, – может, надумаешь всё-таки служить? С тобой позанимаются преподаватели, и ты наверстаешь упущенное. Думай, пока не поздно. – В его голосе Ивану послышалась то ли угроза, то ли какое-то предупреждение.

– Товарищ майор, – состроив невинное лицо, ответил Иван, – неужели вы до сих пор думаете, что я симулирую?

Барский досадливо поморщился.

– Товарищ майор, – продолжил Иван, – я бы с удовольствием послужил в авиационной школе, тем более вы обещали мне должность замкомвзвода, а потом старшины роты. Но что я могу сделать в этой ситуации? Подскажите.

– Сказать правду, которая останется между нами, – продолжал гнуть свою линию майор. – В противном случае я ничем тебе не смогу помочь. А сейчас могу.

– Товарищ майор! – приложив руки к груди, воскликнул Иван. – Я не обманываю вас, почему вы мне не верите? Я не понимаю...

– Ладно, Молодцов, не хочешь открываться, дело твоё. Но как бы это боком тебе не вышло.

После этого разговора Иван старался не попадаться Барскому на глаза.

В школе были желающие комиссоваться из армии, но кто-то не знал, как это можно сделать, кто-то боялся, что не сумеет выстоять в противоборстве с военными. Естественно некоторые из них завидовали Молодцову. «Повезло», – говорили одни. «А может, Хабаровск не утвердит», – с тихим злорадством, утверждали другие. Павел, посоветовавший, как именно можно комиссоваться из армии, но сам не сумевший воплотить в реальность свой план, завидовал «белой» завистью Ивану. Курсанты из Прибалтики, увидев его после

госпиталя в столовой, показывали ему большой палец, при этом что-то говорили на своём языке. Похоже, давали дружеское напутствие, судя по их улыбкам.

Добрый десяток солдат знал, что он симулировал, но... Иван в душе благодарил судьбу, что никто не «накапал» на него куда следует. «Поверили, что я действительно заболел? – задумался он как-то, играя сам с собой в шахматы. – Не понимаю...» Многого он не понимал: и как решился на подобный поступок, и как удалось сыграть непростую роль. Видимо, сумел внушить себе и окружающим, что он – больной. Ну, детское заболевание, и что? А однажды, размышляя на эту тему, сделал простой в общем-то вывод: *служить в армии, конечно, необходимо, но, чтобы у солдата не появлялось дурных мыслей, служба должна проходить поближе к родному дому. Чтобы родные или близкие могли к нему в любое время наведаться. Да и подходить к каждому будущему солдату надо индивидуально, заранее выявлять его желания, способности. Солдат должен служить не под воздействием нажима, а под воздействием духовного подъёма, удовольствия от общения с армейской средой. А среду такого рода, как известно, делают люди.*

...Пошла четвёртая неделя, а документов из окружного госпиталя так и не было. Иван почувствовал беспокойство в душе, появилось ощущение, что за ним наблюдают. Он успокаивал себя, мол, нервишки сдают, не дрейфь. Ещё

случайно услышал короткий диалог двух ротных офицеров, один из которых сказал, что Молодцов может в дисбат угодить. Иван стал более осторожным, ни с кем не шутил о своём скором «дембеле». Только Павлу, в котором был уверен, выразил своё беспокойство. Тот успокаивал: «Не переживай, месяца не прошло, а ты засуетился. Не торопи события».

От нечего делать Иван начал записывать в свою записную книжку солдатские байки, шутки. Записал даже на память такой вот приказ – по министерству любовной промышленности СССР от ... 19... г.

В виду того, что на любовном фронте творятся неполадки, в целях их устранения приказываю:

1. Женщин, смотрящих на мужчин влюблённым взглядом, строящих глазки – привлекать к ответственности по ст. 140, как за умышленное применение огнестрельного оружия.

2. Женщин, подкрашивающих губы, брови, ресницы и др. детали тела, привлекать к ответственности по ст. 199, как за изменение фасада архитектурного облика.

3. Супругов, проживающих в браке более двух лет и не имеющих детей, привлекать к ответственности по ст. 59 как за халатное отношение к своим обязанностям.

4. Мужчин, ухаживающих за чужими жёнами, привлекать к ответственности по ст. 30 как за охоту в запретной зоне.

5. Девушек, достигших 22-х летнего возраста и не вышед-

ших замуж без уважительных причин, привлекать по ст. 150 как за саботаж.

6. Мужчин, вступивших в брак с несовершеннолетней девушкой, привлекать к ответственности по ст. 34 как за разработку недр с нарушениями.

7. Женщин, живущих с чужими мужьями, привлекать к ответственности по ст. 145 – за кражу жизни.

8. Мужчин, живущих с чужими жёнами, привлекать к ответственности по ст. 143 как за использование чужого имущества без ведома хозяина.

9. Женщину, родившую ребёнка от соседа, привлекать по ст. 172 как за семейный подлог.

10. Женщин, заставивших жить мужей у тёщи, привлекать к ответственности как за помещение здорового человека в сумасшедший дом.

11. Мужчин, не женившихся до 25-летнего возраста, привлекать к ответственности по ст. 125 как за простой механизм в рабочее время

Министр любовной промышленности / Тарзан /

Секретарь / Чита /

Посмеявшись над шутивным «приказом», Иван загрустил – вспомнилась Марта. Почему-то всплыла в памяти последняя перед армией прогулка с ней по родному городу, с каким неподдельным азартом она рассказывала о нём.

Иван отсутствующим взглядом посмотрел на стену и увидел портрет Ленина. Тряхнув головой, понял, что сидит в ленкомнате.

Неожиданно перед мысленным взором возникла Лия; будто наяву увидел её нежное личико, прелестную фигурку, не менее прелестные губки; услышал её заразительный смех, почувствовал на своих губах вкус её поцелуя. «Как хочется посидеть с ней, поговорить, обнять её, поцеловать». О более интимном Иван не думал, считал, что Лия достойна лишь светлых мыслей. Вдруг пришло в голову, какой она была бы хорошей женой: ласковой, домашней и, наверное, пылкой. «Всё, ша! – подумал Иван. – Надо сходить умыться, а то в дебри понесло».

Глава 15. Симуляция удалась

Наконец в двадцатых числа марта Молодцова вызвали в штаб авиационной школы, где он получил все необходимые документы для отбытия из части. А спустя два часа уже сидел в плацкартном вагоне поезда, следовавшего на Хабаровск.

Иван всё ещё не верил своему счастью, он думал, что найдут какой-то способ, его любую ошибку, чтобы оставить в армии. Он боялся даже того, что его спровоцирует кто-нибудь на драку в военном городке, и тогда – дисбат. Лишь благодаря своей бдительности, по его мнению, и повышенной подозрительности, он сейчас и ехал домой.

Через какое-то время к нему подсел рядовой с петлицами артиллериста. Ивану показалось, что тот слегка пьян.

– Земёля, – с показной развязностью заговорил он, – у меня радость: еду в заслуженный отпуск. А ты куда путь держишь?

– Я тоже еду в отпуск, – сдержанно ответил Иван. И хмуро посмотрел на разговорчивого солдата.

– В отпуск? – выпучил тот глаза.

– А что в этом удивительного?

– Ничего, но почему в таком случае ты в задрипанной форме? Хэбэшная гимнастёрка, кирзачи... Видишь, на мне какая форма – блеск! – Солдат действительно был в парад-

ном мундире, начищенных до зеркального блеска яловых сапогах, на груди сверкало с полдюжины значков.

– Так получилось, – вяло сказал Иван. И, чтобы не вдаваться в дальнейшие объяснения, добавил: – Устал я что-то, пойду, полежу.

Он снял с себя кирзовые сапоги, поставил их под столик и в одно движение оказался на второй полке. Укладываясь на матрасе, вспомнил Лию, которая в последнюю встречу подарила ему шерстяные носки. «Когда поедешь домой, – сказала она, – надень мои носки и представь, что это я согреваю твои ноги». Представив в эту минуту облик ласковой, доброжелательной девушки, Иван с чувством благодарности и непонятого притяжения сказал про себя: «Спасибо за твою доброту, Лиичка. Твои носки согревают мне не только ноги, но и душу. Мне почему-то жаль, что я уезжаю от тебя, очень жаль...»

Лёжа на таком удобном, самом удобном, наверное, в жизни матрасе, Ивану пришла мысль, что другие его товарищи служат, а он вот едет домой. Сколько раз за последнее время посещали его такие мысли. И от вопросов задаваемых самому себе тоже не так просто отделаться. Несколько дней назад, лёжа ещё на солдатском матрасе, он спросил себя: «Молодцов, если тебя завтра переведут в спортроту, находящуюся в двух часах езды от дома, ты будешь служить? – Подумав, он ответил сам себе: – Нет. Но если надо будет защищать Родину, я пойду её защищать, ни секунды не раз-

думывая. А пока... Настроение испорченное». – «А боксом хочешь заниматься? – неожиданно всплыл тогда другой вопрос. – И боксом не хочу заниматься, тоже настроения нет. И тренера больше нет. Жаль, обидно до слёз бросать бокс, но... Буду заниматься для себя, для поддержания спортивной формы и духа. Что и обещал Марте, своей Весне». С этими мыслями под стук колёс и гудки встречных поездов Иван задремал.

Судя по свету за окном, проспал Иван недолго. Посмотрел вниз: там никого не было. Спрыгнув с полки, не спеша прогулялся по вагону – артиллериста и след простыл.

В Хабаровске Молодцов пересел на поезд Владивосток-Москва. От радостного волнения заколотилось сердце, как будто это и не поезд, а родной дом. Когда же поезд тронулся, и через некоторое время к нему подошла за билетом проводница, он пришёл в ещё большее волнение. И было от чего: перед ним стояла зеленоглазая шатенка с родинкой на щеке, а на её узких плечиках лежали колечки волос.

Проводница, собрав билеты, вышла из купе. Её обаяние было настолько сильным, что Иван последовал за ней.

– Девушка, – остановил он её, – нам долго вместе ехать, давайте знакомиться. Меня зовут Ваня.

Она с любопытством посмотрела на него и, кокетливо оставив одну ногу назад, представилась в ответ:

– Маша. – И снова встав в обычное положение, поинтересовалась: – Вы в отпуск едете? – И улыбнулась, показав мел-

кие белые зубы.

– Можно сказать, что так, – отшутился Иван.

– Извините, мне сейчас билеты у пассажиров надо собрать, позднее поговорим.

Улыбнувшись, Мария пошла в следующее купе. «Вот это фигура, осанка, – восхищённым взглядом проводив девушку, подумал Иван. – А лицо: хоть картину с него пиши. И почему большинство красивых девушек имеют гордую осанку? Гордятся, что хороши собой? А надо бы наоборот: красивые пусть ходят носом вниз, а не очень привлекательные – грудью вперёд». Собственная мысль рассмешила Ивана. «Нет уж, если красивые будут ходить носом вниз, тогда любоваться кем? Грустно на земле будет и скучно. Не зря природа устроена именно так, а не иначе». Иван стал смотреть в окно. «Увижу ли когда дальневосточную природу, этот красивый край с добрыми людьми? – Он задумался. – Красивый край и заселять должны красивые душой и телом люди. Иначе, наверное, нельзя – природа не поймёт. Красивый край, красивые люди. В этом есть определённая логика».

Этим же вечером Иван решил поближе познакомиться с Марией. В поезде томиться почти целую неделю, а при общении время быстрее пролетит. Но тут он, конечно, кривил душой. Вопрос был не в том, чтобы быстрее пролетело время, а в том, что, возможно, удастся поцеловаться с девушкой; и не только...

Да, отнюдь не целомудренная мысль посетила его, а мысль

мужчины, уже знакомого со строением женского тела, в котором кроме губ есть и более «сладкие» места.

Вечером, когда в вагоне почти все пассажиры легли отдыхать, Иван направился в служебное купе к Марии. Он уже не раз сегодня заходил к ней: то просил чаю, то иголку или просто перекидывался с ней парой слов. Девушка оказалась разговорчивой и весёлой, всего, как выяснилось, на девять месяцев старше Ивана, очаровательна, от чего грустить? Да к тому же не замужем.

В своём купе Мария позволила себе снять свою форменную курточку, оставшись лишь в белой блузочке и юбке. На пригожих ножках – туфельки.

У Ивана сразу же появилось желание обнять её, зацеловать всю, окунуться в любовное облако, чтобы напрочь забыть недавние переживания. Но он лишь закрыл за собой дверь и улыбнулся Маше. И она улыбнулась в ответ.

Вот она искорка, от которой вспыхивают тёплые отношения между мужчиной и женщиной.

– Можно я с тобой посижу? – как-то по-домашнему спросил он.

– Конечно, можно, – в тон ему ответила Мария.

Иван присел рядом.

– Ваня, – повернувшись к нему вполоборота, спросила она, – ты так и не ответил на мой вопрос: ты в отпуск едешь или?..

– Или... Мне не хочется тебя обманывать, поэтому чест-

но скажу: я комиссовался из армии. Но... – Иван сделал таинственное лицо. – Но как это я сделал, пусть останется тайной. Хорошо?

Девушка неопределённо пожала плечами.

– Вообще-то я не очень любопытная, но ты меня заинтриговал. И хотя я неопытная в таких делах, но опять же чувствую: ты что-то скрываешь. А если скрываешь, значит, посторонние об этом знать не должны. Я права?

– Абсолютно! – с жаром ответил Иван. – Поэтому за то, что ты такая умница, мне хочется тебя поцеловать. Можно?

– Ваня, а не многого ты хочешь? Если я с каждым желающим буду целоваться, что от меня останется?

– С каждым не надо.

– По-твоему получается так: с каждым не надо, а тебя надо пожалеть. Пожалеть, что комиссовался? Прimitивная психология. И такую психологию я не воспринимаю. – Мария усмехнулась: – Тебя ведь наверняка девушка дома ждёт, а ты даже в поезде пытаешься закадрить проводницу. А что было бы, если ты на танцах сейчас был? Эх, солдатик из авиации.

– Маш, ты зря на меня наехала. Тебе я, кажется, уже говорил, что женат и у меня дома любимая жена. Беременная.

– Женат? Ничего ты мне об этом не говорил. Значит, ты к беременной жене торопишься? Молодец. Обычно парни скрывают в таких ситуациях, что они женаты, а ты... Ещё раз тебе скажу: мо-ло-дец! В таком случае я меняю о тебе

своё первое мнение, а оно было, как о всех ловеласах. – Она вдруг придвинулась к Ивану и обняла его. Он увидел блеск в её зелёных глазах...

Они целовались, прижавшись друг к другу. Иван весь пылал и готов хоть сидя, хоть стоя заняться любовью, но чувствовал: девушка не готова к более серьёзным действиям. Да он от одних поцелуев получал кайф, в это же время упиваясь ароматом её здорового тела; пьянел от её пружинистых грудок, от прикосновений к тёплой талии и упругим бёдрам.

Они долго истязали себя поцелуями, как бы соревнуясь, кто первый спасует. Тренированнее оказался Иван. Почувствовав, что губы Марии обмякли, и она пытается освободиться из любовного «плена», он убрал свои руки с её талии, оторвался от её губ и, отойдя на полшага, выдохнул из себя:

– Всё, больше не могу. – Он восторженно посмотрел на её светящееся лицо, на изумрудного цвета глаза. – Маша, ты очень сладкая, слаще самого лучшего мёда. Спасибо, что спасла от депрессии измученного солдата.

Она провела языком по своим распухшим губам, укоризненно качнула головой и, попытавшись усмехнуться, сказала:

– Я что-то не почувствовала, что ты измученный. – И, оттопырив нижнюю губу, шутливо всхлипнула: – Губы мне испортил, ох, испортил. Ты сколько служил в армии?

Он соорудил скорбную мину:

– Почти пять месяцев.

– И за пять месяцев ты измучился? Ох, была бы я твоим командиром, целыми днями заставляла бы тебя хвосты самолётам крутить. Ведь солдаты в авиации, говорят, только и делают, что хвосты самолётам крутят.

Иван засмеялся:

– Машенька, солдаты не самолётам, а коровам хвосты крутят, – это те, кто служит на ферме.

Она сделала удивлённое лицо:

– А в армии что, даже фермы есть?

– Есть и фермы с коровами, есть и поросячьи фермы. В армии чего только нет.

– А ты чем занимался в своей авиации?

– Авиация – это не моя стихия. До армии я каменщиком был, между делом строительный техникум закончил, поступил в строительный институт. Да, ещё целых девять лет боксом занимался. Между прочим, – улыбнулся Иван, – ты целовалась с серебряным призёром чемпионата СССР по боксу. Если бы не экзамены в техникуме, потом в институт, чемпионом бы Союза стал. Вот так, зеленоглазая принцесса.

– А я сразу обратила внимание, что есть в тебе что-то такое, спортивное. В моём родном Коврове я в школе с одним боксёром училась. Но он всего лишь чемпионом нашего города был, а ты... В общем, я прощаю тебе, что измял мои губы. А сейчас, Ваня, спать.

Он изумлённо посмотрел на неё. Она рассмеялась:

– Ты о чём, интересно, подумал?

– Да так, – растерянно ответил он.

– Предупреждаю: о чём ты подумал, об этом забудь. И даже в мыслях не держи. Договорились?

– Хорошо. – Иван вдруг хитро заулыбался. – Машенька, так как мы с тобой, оказывается, соседи, то за это ещё поцелуй полагается.

– Нет, Ваня. Мои губы теперь, наверное, неделю будут болеть. Такой экзекуции они ещё не получали. – Осторожно потрогала пальчиком нижнюю губу: – Не привыкли мои губки к таким продолжительным поцелуям.

– Машенька, ну, хотя бы в щёчку разреши тебя поцеловать. Разочек.

Молодые люди ещё немного попрепирались по поводу поцелуев, наконец Маша уступила: подставила щёчку. И, как выяснилось, напрасно, потому что Ване хотелось большего.

– Ты, Ваня, как тот школьник, которому хочется в баню заглянуть, где моются девочки, но не удаётся: дверь заперта. Ты же поцеловать меня собирался, а сам под юбку полез. В общем, так: пока не успокоишься, ко мне не приходи, – без всякой злости отчитала соблазнителя Мария. – И вообще, – её голос сделался серьёзным, – я устала и хочу спать. И ты иди отдохни.

...По какой-то причине Ивану в эту ночь приснилась Алиса. Они обнимались и даже целовались. И всё это сопровождалось музыкой, которая звучала у него в голове. Он вспомнил: «Лунная соната» Бетховена; потом звучали ещё

какие-то музыкальные отрывки. Откуда они – Иван вспомнить не смог, лишь чётко знал, что слышал их – и было это, вроде, совсем недавно, но ровно в другой жизни – в исполнении Алисы.

Проснувшись утром, уже наяву услышал музыку, но не классическую, а эстрадную – она доносилась из радиоприёмника. Иван снова закрыл глаза, и вдруг в воображении предстала Фая – его первая женщина. Вспомнил, как она хотела родить от него. «Родила ли? Полю бы спросить в письме – нельзя, выдам Фаинку. Кстати... почему я схожусь характером только с черноволосыми девушками и женщинами? Блондинок разве меньше на земле? Или судьба отводит от меня блондинок? А может, они к цвету моих волос не подходят? Интересно».

Глава 16. Сопровождение

Возвращаясь из вагона-ресторана, Иван решил заглянуть к Маше. Она чем-то занималась за откидным столиком. Увидев его, сказала:

– Ваня, тебя какой-то солдат разыскивает.

– Какой солдат? – удивился Иван.

– Он только вошёл в вагон, сразу меня спрашивает: есть кто до Горького? Подозрительный какой-то: лет тридцать, наверное, а рядовой. – Девушка взволнованными глазами смотрела на Ивана.

Сделав ей успокаивающий жест рукой, он сказал:

– Сейчас посмотрим, кто до моего города едет.

Подойдя к своему купе, увидел сидящего на нижней полке мордастого молодого мужчину в солдатской форме, род войск на петлицах был ему незнаком. И что вызвало подозрение у Ивана больше всего: тот был в хэбэшной форме. В отпуск обычно едут в парадной – прав был артиллерист. На дембель же в марте месяце не отправляют.

– О, в нашем полку прибыло, – неестественно бодро произнёс Иван. Представился. И услышал в ответ:

– Григорий.

Обратив внимание, что соседей ни сверху, ни снизу нет, Иван заговорил, как бы сам с собой:

– Моих соседей что-то не видать, интересно, куда они по-

девались. Сказали, что им ехать и ехать. – Посмотрел на нового знакомого. – А мне проводница сказала, что ты едешь в мой край. – Иван решил не церемониться с новым соседом и сразу перейти на «ты – всё-таки оба рядовые.

– Да-да, – завозился Григорий, – я спросил: нет ли попутчика до Горького, она показала на тебя. – И, возможно, чтобы расставить точки над *i*, сказал: – А меня в вашу область переводят, в строительную часть. Ты не знаешь случайно, где там эта злосчастная строительная часть?

– Конкретно не знаю, но слышал, что от областного центра недалеко.

– Найду, язык до Киева доведёт, – пошутил Григорий. – А ты в отпуск или, не дай Бог, конечно, к кому-то на похороны?

– Тьфу, тьфу. – Иван сплюнул через левое плечо. – Что ты такое говоришь? В отпуск я еду.

– А-а. – Григорий утвердительно кивнул. – Хорошее дело.

– Извини, я ночь плохо спал, пойду, вздремну. – Иван снял сапоги и, взмахнув на вторую полку, улёгся. «Строитель, – про себя усмехнувшись, подумал он: – слышал я про таких строителей. Но какая, интересно, у него задача? Что он хочет выведать? Надо с ним ухо держать востро».

То, что это человек из особого отдела, у Ивана не вызвало сомнений. И староват для солдата, а главное: его, рядового, и переводят с Дальнего Востока в среднюю полосу России? Это ж курам на смех. Был бы офицер – другое дело.

«Кстати, а почему бы офицера им не послать, чтобы вынюхать: не симулировал ли я? Нет, будет ещё подозрительнее, так как рядовой и офицер... Не могут они по-товарищески, запросто поговорить, как рядовой с рядовым. А два солдата разговаряются... О-о, вот она разгадка! – От удовольствия Иван готов был запеть, что раскусил замысел особистов. – Хм, а я ничего, умею логически мыслить. Всё, теперь можно расслабиться, поспать, затем к Машеньке, помогу ей чем-нибудь».

Проспав до двух часов дня, Иван сходил в вагон-ресторан. Пообедав, зашёл к Маше – она мыла стаканы.

– Машенька, тебе помочь?

– Я уже заканчиваю.

– Маш, тебе, я думаю, тяжело одной.

– Зато денег больше, – отшутилась она.

– Ах, да: ты ведь говорила, что квартирку хочешь кооперативную построить, – засмеявшись, сказал Иван.

– Да, Ваня, квартирку! – Мария кокетливо мотнула головой. – А потом жениха в своё гнездышко буду искать.

– А не лучше жениха с квартирой найти?

– А когда ты женился, у тебя была квартира?

– У меня свой дом в городе. Небольшой, правда, зато газ есть, сад возле дома, огород. А квартира есть у моей жены.

– Как она заработала квартиру? Сколько лет твоей жене?

Иван растерялся. «Сказать, что жене тридцать восьмой год? На смех поднимет».

– У моей жены квартира от погибшего мужа осталась. А он был намного её старше.

– А сколько всё-таки лет твоей жене? – не отступала Мария.

– Тридцать! – выпалил он.

У Марии глаза полезли на лоб.

– Ого-о, – протянула она, – старовата девонька. Так ты, Ваня, на квартире женился или твоя жена богатенькая плюс ко всему?

– Маш, ну хватит, а? – Иван приложил руки к груди, всем своим видом показывая, что ему неприятен этот разговор.

– Не буду, не буду. В жизни всякое случается. Чаю хочешь?

– Позднее, я только что из ресторана.

– Да, – словно вспомнив чего-то, сказала она, – как твой новый сосед? Ничего про себя не рассказал?

Иван нахмурился:

– Станный у меня сосед, поэтому я хотел бы поменьше находиться в его компании. Он, похоже, по мою душу пришёл, меня на чём-то подловить хочет.

– Сиди тогда у меня, – предложила девушка.

– Что, целыми днями? – обрадовался Иван.

– Можешь и ночами – на второй полке. Тем более тебе не привыкать спать на второй полке. А с бригадиром поезда, в случае чего, я договарюсь.

– Отлично! Ох, так бы и расцеловал тебя сейчас.

– Тебя хлебом не корми, дай поцеловаться. Всё, с посудой я закончила, теперь выйди на минутку, я совершу омовение и... пойдём в моё чистенькое купэ.

– Подожду тебя за дверью.

Днём Иван не приставал к Маше с поцелуями, лишь любовался ею, говорил ей любезности и помогал: мыл посуду, разносил чай... А поздним вечером, когда они сидели в её купе, он высказал свою тревогу.

– Что конкретно тебя мучает?

– У меня душа болит потому, – пожаловался он, – как бы у тебя по моей милости проблемы не возникли.

– С какой стати? Ты что, преступление совершил?

– Нет, конечно. Но тебя могут вызвать, например, в органы и спросить: ты, почему Ивана укрывала?

– Вань, почему я тебя укрывала? У тебя в этом вагоне место есть, но ты влюбился в меня, стал ухаживать. А потом и я влюбилась в тебя. За это что, меня посадят?

– Да нет же!

– Тогда в чём дело? Ваня, ты не переживай, я за себя сумею постоять.

– Сдаюсь. – Иван поднял левую руку вверх и сразу же опустил её. – Ты меня победила, и только за это я готов расцеловать тебя с ног до головы.

Он прижал голову Маши к своему плечу и, шепча ей нежные слова, начал поглаживать колечки её волос. Вот он мягким движением погладил её щёки и отдельно, родинку. «Ма-

шенька, ты очень красивая, ласковая, волосы у тебя необычайной красы, губки. А какая шея, грудь...»

Какие непередаваемые чувства он испытывал: в поезде, под стук колёс, в уютном купе...

Проснувшись в семь утра, Иван не увидел рядом Маши. «Какая она расчудесная девушка! – с распиравшей от счастья грудью, подумал он. – Какая ласковая! Но красивые вообще-то все расчудесные. Если к тому же они ласковые, обходительные – цены им нет».

С таким ликующим чувством в душе Иван споро натянул хэбэшные галифе, гимнастёрку, обулся. И тут в купе вошла Маша. Она смотрела на Ивана, а в её глазах сияли искорки любви.

– Ты куда так рано вскочил? Полежал бы. Давай вместе минут пять полежим. – Она шагнула к нему, обняла – и нежно поцеловала в губы. Он взял её на руки и бережно опустил на полку, сам лёг рядом. Она перевернулась набок, лицом в его сторону и, приподнявшись, стала гладить своей мягкой ладошкой по его лицу, волосам. – Какие у тебя жёсткие волосы, – прошептала. – А сам не жёсткий, ласковый. – Прикоснулась своими губками к его губам, потом чмокнула в нос, в переносицу. Иван чувствовал, какое наслаждение она получает от своих действий, он и сам испытывал то же самое. Ему казалось, что даже его уши светились от удовольствия.

– Машенька, – тихо, с чувством произнёс он, – моя чистая девочка. – Он прижал её голову к своему лицу и стал вды-

хоть аромат её волос, кожи. – Машенька, как же я соскучился по женской ласке, по загадочному женскому телу. Если сказать тебе спасибо, значит, ничего не сказать. Я готов носить тебя на руках целый день, но, к сожалению, это невозможно. Но я так счастлив, так счастлив!

– Вань, ты сказал что-то про загадочное женское тело. Почему загадочное?

– Потому что нас, мужчин, всегда к нему тянет. Оно манит, притягивает, как что-то колдовское, необъяснимое. И мы это женское тело никогда не разгадаем, не узнаем, чем оно нас, мужчин, так сильно притягивает. По-моему, ничего лучшего на земле не существует.

– Ванюша, – тихим, восхищённым голосом произнесла Мария, – я тебя заслушалась.

– А я бы целыми днями ласкал тебя. Мне так хорошо с тобой, что я бы ехал с тобой, ехал... Но тебе надо работать, а мне своё купэ навестить, посмотреть, как там мой подозрительный сосед поживает.

Иван вышел из купе, унося с собой запах чистого девичьего тела. Казалось, и кожа, и все его органы, пропитались её телесным ароматом, её нежным дыханием. И он был чист и искренен перед нею – сказал о себе правду. Поэтому и шёл по вагону, где большинство пассажиров ещё спали, с доброй улыбкой на лице и открытым, доверчивым взглядом.

Почистив зубы и умывшись, Иван вернулся в своё купе и, положив туалетные принадлежности в небольшой вещевой

мешок, сел у окна. Григорий, его сосед, спал. Два места в купе были свободны. После появления Григория их почему-то никто не занимал. Это наводило Ивана на определённые размышления. Впрочем, в вагоне ещё кое-где были свободные места. Видимо, не сезон.

Вскоре Ивана потянуло в сон. Не раздумывая, он снял сапоги и лёг на вторую полку. Проснулся часа через три.

– Ну и спать ты, Ваню, – услышал он голос Григория.

Иван спрыгнул на пол, обулся.

– Хоть в поезде поспать, – протирая глаза, сказал он, – а то дома встречи начнутся, разговоры допоздна. А здесь так хорошо спится под стук колёс.

Поговорив о том, о сём, Григорий вдруг спрашивает:

– У тебя далеко военный билет?

Иван удивился:

– В гимнастёрке.

– Можно посмотреть, чем отличаются ваши от стройбатовских?

– Причём тут «ваши» – «наши». И потом, Гриша, ты же знаешь, что военный билет не положено в чужие руки отдавать.

– Да ну-у, не положено, где ты такое читал?

– Гриша, извини, но ты меня удивляешь.

– Ладно, не кипятись, – миролюбиво сказал тот. – Давай лучше выпьем винца за дружбу. – Он потянулся рукой к рюкзаку.

– Я не пью ни пиво, ни вино, – категорично заявил Иван. – И не курю вдобавок. Так что мы с тобой, как говорят в таких случаях, по разные стороны баррикад.

Григорий странно усмехнулся:

– Похвально, такие бойцы – наша сила. Все такими были бы в нашей доблестной армии. Ну, раз не хочешь вина, я тоже не буду. Один я не пью. Может, в ресторан сходим? Перекусим, поболтаем за чашечкой кофе. – Он вопросительно посмотрел на Молодцова.

– Я утром плотно позавтракал, – слукавил Иван.

Григорий снова усмехнулся:

– А ты, оказывается, парень не промах.

– В каком смысле?

– В таком: какую красотку заарканил.

– Ты проводницу имеешь в виду?

– Её, красавицу.

– А что тут такого? – Иван сделал наивное лицо. – Это называется, как пишут обычно, любовь с первого взгляда.

– Ты что, всерьёз влюбился в неё?

– Надеюсь, всерьёз.

– Это хорошо.

– Гриш, а ты сам-то женат или холост? – по-простецки спросил Иван.

Тот вздохнул:

– Всё как-то некогда семью завести. Но невеста есть, правда, ей не восемнадцать, зато надёжная, верная. Думаю, в бли-

жайшее время жениться на ней, пора.

– А у тебя какая специальность, ты кем работал до армии? – с самым простодушным видом спросил Иван.

– У меня много разных специальностей.

– А в строительную часть как попал. Ты строитель?

– В строительную часть я случайно попал, по ошибке военкомата.

– Это бывает, – как бы задумавшись, сказал Иван.

– Ещё как бывает. А в твои края, в строительную часть, я еду крановщиком башенного крана. Хороший крановщик – штучный товар.

– Это я знаю, каменщиком работал до армии.

Григорий воскликнул:

– Так мы коллеги почти с тобой! Может, выпьем всё же по этому поводу?

– Я же сказал: не пью спиртное. – Иван недовольно повёл плечом.

– На нет, как говорится, и суда нет, – глубокомысленно изрёк Григорий. – А посему я пойду в ресторан.

Григорий ушёл, а Иван задумался.

«Хм, хороший крановщик, штучный товар, – стал он размышлять над словами „коллеги“. – В строительном управлении, может, и штучный. А для того, чтобы солдата-крановщика везти с одного конца света на другой, это ни в какие ворота не лезет. Может, дорогой товарищ, ты и работал когда-то крановщиком, но это было давно. А сейчас ты не кра-

новщик, а офицер особого отдела. Контрразведчик. И приказано тебе, чтобы другим неповадно было, вернуть симулянта назад. А там... показательное судилище».

С ночёвками в купе проводницы, дни для Ивана как будто укоротились раза в два. При этом он чувствовал себя безгранично счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.